

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Порина
Ряевская

МАЛЬЧИК

НЕ ПОДНИМАЙ ТЁТЕ ДАВЛЕНИЕ

С О В Р Е М Е Н Н Ы Й Л Ю Б О В Н Ы Й Р О М А Н

Полина Раевская

Мальчик, не поднимай тете давление

<https://litres.ru/74691562>

SelfPub; 2026

Аннотация

В тренде на мужчину помладше, лично я - дитя девяностых, - не вижу никакой проблемы. Поэтому, когда в поезде на меня обрушивается под два метра харизмы, сексуальности и наглости молодого самца, без раздумий отдаюсь игре взглядов и фантазий. Раздумья и проблемы начинаются позже, когда почти два метра опасного притяжения входят в аудиторию ко мне на пару.

ОДНОТОМНИК

Содержание

1. Филиал ада, Иисус и чайный пакетик	4
2. Руки боятся, а глаза лапают	10
3. Звезда морская	16
4. Не сдавайся, позорься до конца	22
5. Блондинка в законе	29
6. Баба и мужлан	36
7. АсТрахань	43
8. Чай, кофе, потанцуем?	48
9. Сказка на ночь	53
10. Состояние: аль денте	60
11. Брать от жизни всё - негигиенично	66
12. Скорую! У человека утро	71
13. Послушная девочка	77
14. Фестиваль кур	82
15. Горгона и Вешалка	89
16. Б/у дни. Вторник	94
17. Хуже кармы только я	100
18. Попытка номер пять	105
19. Я назову собаку именем твоим	111
20. Что случилось - то и план	117
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Полина Раевская

Мальчик, не поднимай тете давление

1. Филиал ада, Иисус и чайный пакетик

Если существовал филиал Ада на Земле, то, однозначно, это был плацкарт.

Неизменный спертый воздух с разномастными запашками той ещё степени паршивости, щедро сдобренный амбре из быстрорастворимого кофе, китайской лапши и затхлости.

Что в этом царстве доширака и непромытости забыла ухоженная тридцатилетняя девушка, вполне имеющая возможность купить себе билет в купе?

Вопрос, на который мой младший брат-гаденыш - это, если без мата, - ответил с типичным зумерским пофигизмом: «Ностальгию по молодости».

Жаль, в шестнадцать я не оставила коляску с ним где-нибудь в парке, тогда бы не пришлось сейчас кривиться, глядя на вспревший от августовской духоты сомнительный контингент, расположившийся на полках. Какая уж тут носталь-

гия, не вытошнить бы выпитый недавно, цитрусовый раф?!

Замерев в проходе, брезгливо морщусь, жалея, что умею дышать.

Боже, ну почему я не уточнила, что мне нужно купе?!

Напрасные стенания, конечно, учитывая, что вчера после свадьбы двоюродной сестры, где я оторвалась на год вперед, все, на что была способна моя тушка - это не помереть от жутчайшего похмелья.

Прохрипеть в моем состоянии просьбу сдать купленный заранее билет и купить новый на более позднее время, благополучно послав к чертям свои ответственные планы вернуться за сутки до первого рабочего дня, считаю, подвигом. А учитывая, что к чертям вместе с планами отправилась я сама, так и вовсе...

Ловлю липкие взгляды, перекидываю ремешок своей кросс-боди через плечо и, сжав посильнее ручку чемодана, делаю первые шаги, стараясь не касаться ни поручней, ни, упаси бог, чужих ног, свисающих с верхних полок.

К своему месту пробираюсь с осторожностью хирурга, который знает: ошибка, и заражение неизбежно. Но проблемы, конечно же, на этом не заканчиваются, ведь у меня - спасибо братику хотя бы за базовый минимум, - нижняя полка, на которой по альфачьи расставив мясистые ножищи, вольготно восседает какой-то лысый хрен с лоснящейся мордой. Напротив сидит упитанная женщина и ест курицу с такой жадностью и увлеченностью, словно это не еда, а акт само-

утверждения.

Глядя на таких соседей, хочется перекреститься, сдать в очередной раз билет и забыть этот эпизод, как страшный сон. Если бы не кредит на машину и необходимость подработки на кафедре, на которой, к слову, я должна быть уже завтра в десять утра, ноги бы моей здесь не было. Теперь вот сиди двадцать часов и думай о креативных способах убийства чайным пакетиком, что полощет снова и снова в фирменном РЖД-шном стакане пожирательница курицы. Мужик тем временем продолжает делать вид, что в упор меня не видит, и моя надежда на хоть какой-то проблеск адекватности умирает без лишних мучений.

Что ж... похоже, самое время включать гопника и биться за территорию. Будто в подтверждение от телефона отрывается быковато-туповатый взгляд, быстро трансформируясь в масляный по мере осмотра моей фигуры, упакованной в короткие джинсовые шорты и кроп-топ.

— Че? - выдают мне с простодушной имбецильностью, видимо, окончательно отупев от длины моих ног и отсутствия лифчика под тонким хлопком.

— А вы как думаете? - язвлю, выплескивая накопившееся раздражение и досаду, хоть и понимаю, что думать вряд ли по части этого индивида.

— Так я это... не мешаю же, цыпа. Падай, - великодушно хлопает он рукой по сидению, кривя мечту жертв нельзязграма в мерзотной ухмылке, которую, наверное, стоит расцени-

вать, как многообещающую.

Тетка позади хмыкает, а я думаю, что еще одна «цыпа» и без чайного пакетика точно не обойдется.

— Пожалуй, воздержусь, а то боюсь сомлеть от такой близости.

— Че? - не выкупает горе-Казанова мою иронию, хмурая белесые брови.

Ну, да, нашла перед кем жемчуг метать.

— Место освобождай уже, - подавив тяжелый вздох, включаю-таки режим гопоты.

С лысого тут же сползает маска «обходительного» кавалера, и он ожидаемо бычится, заслышав родной язык хамства и наездов.

— Слышь, цыпа, а ты че так базаришь кучеряво?

— А ты понимаешь по-другому? Или тебе на пальцах объяснить надо, что место оплачивают для того, чтобы можно было расположиться хоть с каким-то комфортом, а не ютиться непонятно с кем? - втолковываю прописные истины, не уставая поражаться людям. Эйнштейн был прав, Вселенная может быть и не бесконечна, а вот людская тупость - без сомнения.

— И че что оплачено? - продолжает лысый уперто качать права. — Сидеть здесь не запрещено...

— Не запрещено, если тебе разрешат! Я не разрешаю, выводы, надеюсь, сделать сможешь, - наплевав, как и всегда, впрочем, на осторожность и благоразумие, вскипаю. Духота

и аккомпанемент из треска куриных костей позади доводят мою жажду убийства до абсолюта. — Вставай уже или будем звать проводника?

— Если я щас встану... - цедит лысый, угрожающе подаваясь вперед, сжимая свои заскорузлые пальцы в пудовые кулачищи. Но меня это не пугает от слова «совсем», моя отбитая, вспыльчивая натура лишь звереет сильнее.

Глядя в краснеющее со скоростью света лицо, словно у лысого через секунду-другую случится разрыв аневризмы, единственная моя мысль: если плеснуть в наглую морду результат теткиных упорных полосканий, вряд ли мудень станет краснее.

— Ну? И что ты сделаешь? - преисполнившись уверенностью в своих силах и креативности - чайному пакетику пусть и косвенно, но вполне реально стать орудием убийства, - приподнимаю вызывающе бровь, зная, что такие козлы сразу теряются, когда сталкиваются с отсутствием страха.

— Ты че курица в себя повери...

— Да захлопнись ты уже, пока я тебе не помог! - раздаётся позади низкий, рокошующий голос, заставляя вздрогнуть.

Я оборачиваюсь, хочу что-то сказать, да так и застываю с открытым ртом, потому что... Вау. Вот это экземпляр!

Полуголый, накаченный, покрытый татуировками, с тяжёлым, ещё не до конца проснувшимся, давящим взглядом.

Черные волосы растрепаны. Лицо - резкое, будто выточенное скульптором, и такое худое, что об высокие, острые ску-

лы можно порезаться.

Хищная, мужественная красота. Настолько мужественная, что я натуральным образом залипаю, а в голове, как в тех рилсах, начинает подвывать Флорида: «Ты был прекрасен, как Иисус...».

2. Руки боятся, а глаза лапают

Не знаю, то ли так тридцатник сказывается, то ли на контрасте с окружающей убогостью меня вдруг накрыло, но я действительно на мгновение, как дура, теряюсь.

Атмосфера тем временем накаляется: лысый бросает какой-то наезд, и божество с верхней, боковой полки, взвевшись, в два стремительных движения спускается к нам - простым смертным, - обдавая терпким ароматом мяты и чего-то океанического. В это мгновение начинаю понимать упоротые фанфики по омегаверсу, ибо меня пробирает мурашками.

Такая мощь, жар и агрессивная энергия, упакованная в мускулистое, тренированное тело. В парне было что-то первобытное, не красота даже, а сила, от которой невозможно отвести взгляд. И я не отвожу, чувствуя себя поплывшей омЭгой.

Господи, слышали бы меня мои девки, подкалывали бы до конца жизни, но черт! Эти вздутые вены на напряженных, сильных руках, вкусный, терпкий запах, пропитанный жаром разгоряченного после сна тела и каким-то то ли парфюмом, то ли гелем для душа или после бритья... Я даже веду носом, как та самая волчица.

Смешно, но, похоже, психиатр, что выдавала мне справку для трудоустройства на кафедру, проглядела какой-то диа-

гноз. Силюсь изо всех сил не рассмеяться. К счастью, обстановка не особо располагает.

— Слышь, тебе че, больше всех надо? - уже не так запальчиво скалится лысый, стараясь не выдавать страха, но он отчетливо прорывается в непроизвольно дергающихся мышцах лица. И в этом нет ничего удивительного: одна напряженная линия челюсти парня чего стоит, а уж ходящие по ней ходуном желваки - держите меня, девоньки.

— Ты меня разбудил, кретин, еще права здесь качаешь! Тебе влить? - окончательно добивает мою адекватность рычащий тембр с легкой хрипотцой, проезжающей по натянутым нервам мягкой, приятной щекоткой. Не голос, а настоящее ASMR, особенно, когда божество угрожающе-тихо с нажимом произносит. — Я повторю один раз! Освободил место. Извинился. Ушел.

В это мгновение, кажется, затихает весь вагон, даже стук колёс будто становится глуше. Лысый тяжело сглатывает, но больше не возникает. Под давящим, раздраженным взглядом и энергетикой взбешенного зверя невозможно не то, что спорить, дышать. Я вот едва-едва, хоть и продолжаю стебать саму себя, а сердце тем временем бьется так, что кажется, слышно всему вагону.

— Пройти дай, - выплевывает лысый, протискиваясь мимо, обдавая жуткой вонью, приводящей в чувство, будто нашатырем.

Инстинктивно отшатываюсь и по классике жанра, конеч-

но же, оступаюсь, запнувшись об чей-то то ли тапок, то ли кроссовок. Меня ведет и, само собой, не куда-то там, а прямиком в венистые, сильные руки, обжигающие кипятком кожу на моей талии.

— Бля... ха муха, - изо всех сил маскирую вырвавшегося наружу гопника под что-то приличное и краснею от неловкости, и кринжа, пытаюсь словить равновесие. Но куда там, когда меня затягивает в беспросветную черноту глубоко-посаженных глаз с поволокой?!

Думаю, самое время просить прощения за ржач у создателей турецких сериалов с их двухчасовыми сериями, в которых девяносто процентов времени герои только и делают, что смотрят друг на друга под музыку, отражающую настроение происходящего. Сейчас бы подошла Успенская и ее легендарная «Пропadaю я», потому что по-другому этот ступор не объяснишь.

— Стоишь? - приподнимает бровь парень, вообще не выкупая момент и не чувствуя того тока, что проносится мурашками по моей коже от прикосновения его горячих ладоней и отрешенного, абсолютно нечитаемого взгляда. Я же от понимания этого едва сдерживаю фейспалм.

Дожилась, Арина, одичала совсем! Вот не зря девочки талдычили, что надо хоть на ни к чему не обязывающие свиданки иногда выбираться, даже, если не особо хочется после таких воздуханов, как мой бывший. Результат на лицо: поплыла при виде красивого мужика. И ладно бы мужика, а

то ведь, присмотревшись, замечаю, что пацан совсем. Слишком молодой еще, чтобы воспринимать его всерьез и, уж тем более, заглядываться. Но кого это волнует? Уж точно не женщину, ставившую лайки тренду «филяй-филяй», хоть и больше из солидарности к отношениям мамы и отчима, у которых разница в возрасте семь лет.

Однако, на волне этих мыслей все же немного трезвею и беру себя в руки. В конце концов, я - взрослая, самодостаточная женщина, чтобы залипнуть на каком-то мальчишке из плацкарта даже, если он выглядит, как «лицо овуляции 2026».

Кстати, а что у нас там по календарю? Может, в этом все дело? Не удивлюсь. Не знаю, как у других, а у меня после двадцати семи цикл стал не просто гостем на несколько дней, а капитаном корабля под названием «мое настроение, энергия, предпочтения». Раньше всегда закатывала глаза на все эти стереотипные шуточки про ПМС, а теперь просто смотрю в календарь и думаю, как же непросто быть женщиной.

— Да, порядок, - улыбнувшись сдержанно, будто вовсе не поплыла пару секунд назад, а просто задумалась, отстраняюсь, едва сдерживая дрожь, чувствуя, как горячие ладони соскальзывают с талии.

Боже, дай мне сил!

И словно услышав мои молитвы, мне отваливают со старта: стоит только открыть рот, чтобы поблагодарить мальчика за помощь, как он, не глядя на меня, просто разворачивает-

ся и уходит в сторону тамбура, я же так и застываю с нелепо открытым ртом.

Класс!

Пожирательница курица, как и всякая женщина, прекрасно считает мои ужимки, в очередной раз насмешливо хмыкая, и возобновляет праздник живота торжественным хрустом, а я краснею, думая, как выгляжу со стороны, да и вообще...

Меня не то, чтобы задело отсутствие хоть какой-то маломальской реакции и интереса, но, обычно мужчины на меня смотрели, как минимум, оценивающе, а этот - никак: есть ты, нет тебя - вообще пофиг. И ладно... признаюсь, это цепляет, но исключительно таким крючком, который случайно задеваешь рукавом и не можешь отцепиться, пока не поймешь, что там такое острое и где.

Соль в том, что я знаю причину: когда у тебя самолюбие на уровне «хотелось бы не выебываться, но пока нет такой возможности» крайне сложно иногда спускаться с небес на землю. И хотя объективно понимаю, что вкусы у всех разные, на волне вспыхнувшего недавно кризиса тридцати, меня в очередной раз царапает мыслью, что возможно, моя прайм-эра уходит в закат, а я так по сути и не сумела ее прочувствовать...

И вот это грузит по-настоящему. Особенно, когда парень возвращается и, вновь даже не взглянув в мою сторону, хотя я так-то, максимально отключив свой орех, матрас заправля-

ла, забрался на верхнюю, боковую полку и, отвернувшись, продолжил, судя по всему, прерванный сон.

3. Звезда морская

Привыкнуть можно ко всему - общеизвестный факт, с которым я в общем-то согласна, пока не начинаются очередные сбои в интернете. Вот тут с принятием как-то не срастается, хотя уже год как длится этот Марлезон, и конца и края ему не видно.

Смотрю на крутящееся колесико загрузки в мессенджере и едва не рычу. Как же достало!

Втягиваю с шумом воздух в надежде унять зуд раздражения, но тут же жалею об этом. Тяжелую смесь удушливых запашков-таки никто не отменял, и хотя привыкание к плац-карту проходит куда менее остро, чем к отсутствию интернета, мне все еще хочется протереть глаза антисептиком, стоит заметить грязные трещины на пятках девушки, расположившейся на нижней, боковой полке и обмахивающейся любовным романчиком в мягкой обложке.

Не то, чтобы я привыкла к лакшери-лухари и рабочих людей, отродясь, не видела. Отнюдь. Никакого высокомерия и зажатости у меня нет. Просто выползть из своей зоны комфорта всегда неприятно, ощущение, будто весь мир - БДСМ, а ты забыла стоп-слово.

Еще интернет этот чертов! Не понять девчонкам, не пожалиться маме, да и в целом не отвлечься хоть на что-то. Вот и приходится то трещинами на пятках любоваться, то натюр-

мортом из вареных яиц и огурцов, которые пожирательница курицы выставила, явно, как угрозу. Представляю, какой аммиачный букет тут расцветет, когда она откроет контейнер. Надеюсь, меня к тому времени достаточно укачает, чтобы по примеру божества спать беспробудным сном.

Кинув быстрый взгляд на широкую, мускулистую спину, вздыхаю немного с досадой. Меня, конечно, попустило, но не до конца. Однако, грузиться почему зря я, к счастью, перестала.

Вообще не понимаю, с чего вдруг случилось это упадническое помутнение рассудка.

С каких пор меня - девушку, которая с гордо поднятой головой пронесла «дылду» через школьные годы, – стало определять чье-то внимание или отсутствие такового?

Да, неприятно, когда твоему восторгу не отвечают взаимностью, но разве это повод начать сомневаться в себе?

В конце концов, может, парень просто не проснулся до конца или засмутился, а то и вовсе страдает отсутствием вкуса в силу возраста. Черт его знает, да и надо ли?

Разумная часть, конечно же, кричит «нет», но в скучном однообразии жизни не часто получаешь такой заряд эмоций на ровном месте, да и впереди двадцать часов пути без интернета, и книги под рукой, так почему бы и не побалдеть лишний раз?

Словно в попытке предостеречь от глупости, мой телефон ловит несчастное 3G, и относительную тишину нарушает па-

рад звуковых уведомлений из чатов с родней и моими курочками, активно обсуждающими компромат на меня от двоюродной сестры.

Стоит признать, хуже пьяных звонков бывшим, могут быть только отметки в сторис с плясками на барной стойке, пойманным в сваре букетом невесты и приставшим троюродным братом жениха, клянущимся на камеру приехать к тебе в столицу.

bitches_bitches

ржач

вот это я понимаю валет с колоды выпал

мамочкАsweetАлеши

Интересно, приедет или очередной п@здун?

piNk&driNk

ставки го?))

Луна_Пуна

Не приедет, а примчится

щас профиль ее найдет и все, потерян мужик

мамочкАsweetАлеши:

Кстати

Про профиль

Ри, тебе надо будет его или почистить или закрыть, если не хочешь стать номером один обсуждений у студентов

bitches_bitches

господи-боже

там у нее ничего такого и нет

мамочкAsweetАлеши

*А сейчас и не надо, достаточно в купальнике просто
быть*

bitches_bitches

пзди, что за дискриминация преподавателей?!

Луна_Пуна

*так это же только к школьным вроде серьезные требо-
вания*

мамочкAsweetАлеши

В любом случае, лучше перестраховаться

piNk&driNk

*да-да, а то студенты ладони сотрут об такую пропедев-
тику внутренних болезней))*

Луна_Пуна

они сейчас все асексуалы, им пофиг

bitches_bitches

*наша Ри и мертвого осексуалит, не то, что зуммеров
мать, ты где там? че молчишь?*

piNk&driNk

у нее наверное инет сдох

Инет действительно сдыхает, не проработав и несколько минут, переписка обрывается, но мне и увиденного хватает, чтобы едва сдерживать смех.

Мои курочки - лучшие, умеют приободрить даже мимоходом и всегда на страже порядка. Не представляю, как бы выжила в голодную, студенческую пору в столице, если бы

не встретила каждую из них.

В груди при мысли о девчонках, как и всегда, расплывается тепло. За две недели, проведенных у мамы с отчимом, я ужасно соскучилась.

Пишу в чат, что надо будет собраться в первый же выходной, а еще в насмешливо-стебном тоне про божество и свое внезапное преклонение, чувствуя, как настроение ползет вверх, да так, что даже вернувшийся лысый его не портит, хоть и демонстративно сверлит меня неприязненным взглядом, пока, пыхтя, забирается на верхнюю полку.

Что ж... спать, наверное, лучше не стоит, а то мало ли, что ему там в голову взбредет. Вот, если бы божество так переклинило, я бы даже подыграла, но на то оно и божество...

Повздыхав, в который раз кидаю взгляд на загорелую, мощную спину, и так и не добудившись силой мысли, решаю утолить свою печаль гидрогелевой маской.

Как говорится, даже на дне можно быть звездой. Морской, например.

И да, стоит только очистить лицо тоником и упаковать, как на меня тут же начинает коситься пожирательница курицы, того и гляди, от нервов выпустит свое смертельное оружие из контейнера.

Ухмыльнувшись, откидываюсь на подушку, прикрыв глаза и слушаю стук колес. Меня даже слегка укачивает и клонит в сон, а потом смертельное оружие-таки вырывается наружу, но даже оно меркнет, стоит встретиться с присталь-

ным, насмешливым взглядом черных глаз.

4. Не сдавайся, позорься до конца

Да твою же дивизию! Вот почему всегда так?! Когда ты при параде и полной уверенности в своей неотразимости, мир будто вымирает, а стоит только выползти в образе «не подходи к зеркалу, отражение опасно для твоей самооценки», так здравствуйте, начинается дождь из мужиков.

С другой стороны, хотела же внимания. Пожалуйста, получите - распишитесь. Чувство юмора у Вселенной, как всегда, отменное, но и мы не пальцем деланные так-то.

Я, конечно, краснею, но виду не подаю. К счастью, маска отлично справляется со своей задачей - маскирует мою неловкость и смущение, ну а я решаю, ковать железо пока горячо.

А что? Позориться так до конца!

Поэтому, вытянув губы в трубочку, весело подмигиваю, мысленно крича чайкой от испанского стыда. Но, видимо, не зря удача любит смелых и кринжовых, уже в следующее мгновение получаю кипяток в вены - уголок четко-очерченных губ дергается, и взгляд перестает быть отрешенным, мимолетно скользнув по мне.

Ключицы, грудь, живот, бедра, колени, ноготочки на ногах, покрытые красным лаком, снова колени, снова грудь, отчего у меня внутри, будто раскаленная струна натягивается, в горле сохнет и недавнее «попустило» глумливо машет руч-

кой.

Меня снова бьет током с еще большей силой от столкновения взглядов. Растягиваю губы в снисходительной усмешке - попался, мальчик. Однако, он и бровью не ведет. От него фонит спокойной уверенностью в том, что он может позволить себе такой осмотр, на том простом основании, как культово вещал Гоша, что он - мужчина. Мол, ничего личного, просто природа. И да, она самая что ни на есть, ибо это нечто на нечеловеческом, когда смотришь, и кровь кипит. Инстинктивно, без логики, без размышлений, на уровне тела. Так странно, ново, что я даже теряюсь на мгновение, но вовремя вспоминаю: то, что дозволено Юпитеру, не дозволено быку. Право у женщины открыто проявлять свой интерес, конечно же, есть, но как будто бы все еще моветон, если она хочет по-настоящему заинтриговать мужчину.

А я... Откидываюсь вновь на стенку позади и прикрываю глаза. Не то, чтобы хочу что-то по-настоящему, но за оставшиеся часы в этом чертовом плацкарте было бы забавно проверить, сколь далеко можно зайти во взглядах украдкой, которые я нет-нет да бросаю, чувствуя себя до смешного нелепо и в то же время опьяненно-взбодораженной, пока разум талдычит: «Арина, ну взрослая же женщина, прекрати творить дичь, стыдно за тебя!».

Увы, бесполезно. Взгляд возвращается вновь и вновь.

Парень, читая что-то в телефоне, лежит уже на боку, подперев голову согнутой в локте рукой. Одна нога у него вы-

тянута и свисает в проход, вторая - небрежно согнута и поставлена на матрас, делая позу вызывающе-валяжной, ибо собравшаяся ткань шорт в достаточной мере обрисовывает то, на что порядочной женщине смотреть не положено, но сегодня явно тот случай, когда положено уже на все.

Усмехнувшись своим похабным мыслишкам, отворачиваюсь к окну, в который раз радуясь, что на лице маска. Щеки горят нещадно, а внизу живота сворачивается горячий, липкий узел, пускающий мурашки по коже и зуд. Тот самый - ответного внимания. Не знаю, насколько оно взаимно по степени заинтересованности, но мне хватает, чтобы пустить по крови приятную щекотку женского самодовольства, и дать моему телу импульс принять более соблазнительную позу, не взирая на то, что разум издевательски подкидывает в качестве звукового сопровождения мем «Так, вам видно?». Чтобы не засмеяться в голос, сажусь лицом к пожирательнице курицы, покончившей-таки с атомной атакой и, устремив взгляд в одну точку, снимаю маску, прогибаясь в пояснице. Конечно же, грациозно.

Не знаю, смотрит ли божество, мне сейчас просто кайфово от самой мысли, что мог бы. Я люблю внимание, и мне его в принципе хватает в моей жизни, вот только сама я никогда раньше не теряла голову и зачастую, поймав мужское восхищение, этого было вполне достаточно, чтобы потешить свое эго, поставить очередную галочку в графе «бесподобна» и продолжить наслаждаться одиночеством. Как-то так склады-

валось, что мой интерес всегда нужно было заслужить, а теперь... Сюр какой-то, но сюр забавный, увлекательный, который хочется продолжать.

Вскоре поезд подъезжает к станции. Парень, быстроглянув в окно, спускается с полки одним легким, резким движением. Все такой же полуголый, разгоряченный и вкусно-пахнувший с энергосберегающим выражением лица и средним пальцем во взгляде.

Я тоже делаю вид, что не пялюсь. Благо, на телефон приходит куча уведомлений. У девочек после моего сообщения дикий ажиотаж и аншлаг острот.

Однако, не успеваю даже загрузить чат, как божество возвращается вместе с проводницей, объясняющей, что эта остановка небольшая, а вот следующая - через десять минут, - будет полчаса, и можно будет выйти размяться, и покурить.

Парень, ничего не ответив, садится за столик нижней боковой полки и, широко расставив ноги в проходе, откидывается на стенку позади, позволяя рассмотреть себя в деталях. От темно-коричневых сосков на накаченной груди до разбросанных тут и там татуировок, похожих на хаотичный дневник, где каждая запись сделана в разное время и при разном настроении.

Сглатываю тяжело и замечаю, что пялюсь не только я. Девушка с трещинами на пятках тоже залипла. И это так смешно со стороны.

Сдержав фейспалм, качаю головой, представив себя. С го-

рящими щеками ныряю в телефон, потому что теперь, когда божество ближе, реальнее и, как выясняется еще горячее, чем на расстоянии, мое самообладание просто-напросто трещит по швам.

Не знаю, может, это духота, может, парЫ доширака или отголоски похмелья, но мне уже становится страшно.

гуччифлипфлап

девочки, я щас сдохну

он сидит напротив, в паре сантиметров!!!

И это просто... Я чувствую себя фанаткой Бибера

bitches_bitches

*тебе можно, ты у нас поздний цветочек
наверстывай)))*

гуччифлипфлап

иди в задницу!

у меня зато были лепестки роз и пятизвездочный отель

bitches_bitches

угу, потому что твой темичик любил выебываться больше, чем тебя

гуччифлипфлап

сучка))

piNk&driNk

Эй, у нас тут вообще-то Бибер на повестке, а не Лелик-солнце

Луна_Пуна

Фотку в студию

мамочкAsweetАлеши

Да-да, показывай! Без фотки не верим в этого Иисуса)))

гуччифлиппфлап

Сдурели? Как вы это себе представляете?! Это незаконно!

bitches_bitches

сказал человек, который снял на телефон кражу денег и вместо того, чтобы позвонить в полицию, заставил вору делиться)

piNk&driNk

Давай, Ри, покажи, что есть еще порох в пороховницах

гуччифлиппфлап

напомните, почему мы дружим?

мамочкAsweetАлеши

Потому что мы веселые и щедрые

гуччифлиппфлап

насколько щедрые?

Луна_Пуна

до конца года на всех встречах, считай, у тебя 4 сахарных папочки

заказывай, что хочешь

bitches_bitches

эй, поаккуратней с обещаниями, у меня так-то ипотека

гуччифлиппфлап

а все уже, предложение принято

готовьтесь раскошиться, папочки

вам дорого обойдется мое возвращение в криминал

5. Блондинка в законе

Телефон в руке продолжает вибрировать. Девчонки, конечно же, мою угрозу принимают на «ура» и всей маршруткой вооружаются попкорном, а я думаю, на что вообще подписалась. Будь мне все еще двадцать, на изи бы исполнила, выражаясь словами братика, а теперь, вкусив все прелести тридцатилетия, всплывают на поверхность разумные сомнения и желание погуглить кодекс. Правда, ненадолго.

Авантюризм в моей крови, подпитанный дружескими плюшками, берет верх над возрастным ограничением или может, просто я - идиотка, каких свет не видывал, ибо взглянув на божество, во мне разгорается сумасшедший азарт и понимание: если сейчас не сделаю эту глупость, мои плацкартные мучения будут напрасны.

Адекватность? Нет, не слышали. А уж стоит поднять взгляд, так и вовсе...

Парень, достав со своей полки бутылку воды, возвращается в исходное положение отрешенной вальяжности и начинает пить. Медленно, эстетично. Его острый кадык ритмично двигается, когда он глотает, а длинные, красивой формы пальцы с выступающими суставами и венами, крепко сжимают бутылку, отчего мышцы предплечья рельефно вырисовываются под золотистой от загара кожей.

Я тяжело сглатываю, ибо это слишком. Слишком жи-

во, слишком телесно, слишком кинематографично. Словом, идеальный кадр. Вот только решиться на него - легче выпрыгнуть из поезда на полном ходу. Сердце бьется так, будто я собираюсь совершить преступление. Хотя почему «будто», когда собираюсь?!

Аккуратно отклонившись к стене позади себя, делаю вид, что просто сажусь удобнее, и включаю камеру. По рукам проходит легкая дрожь волнения, внутренние органы скручиваются в тяжелый, огненный узел, и меня начинает слегка подташнивать.

Да-а, похоже, порох в пороховницах слегка отсырел. Это и смешит, и подначивает. Ведь всего лишь какое-то фото. Уж кто-кто, а я могу сфотать мужика и не умереть на месте.

Кивнув самой себе, решительно ловлю фокус. Парень, как раз, прекратил пить. Губы влажные, красные, манящие попробовать их на вкус, взгляд - удовлетворенный, и эта ослабленная аура отстраненности от всего и вся, цепляющая за живое, дразнящая, бросающая вызов.

Щёлк. Слишком громко, глупо и неосторожно. У меня всё внутри падает вниз, как лифт без тормозов. Пальцы замирают над экраном, дыхание тоже где-то теряется, щеки вспыхивают. Кажется, будто весь вагон замер и устремил на меня взгляды.

Боже! Как можно было не поставить беззвучный режим?! Арина, ты - идиотка. И без всяких «может!» - обреченно стоит мой внутренний голос, но тут же замолкает, потому что

троекратное «боже» - Он смотрит.

Пристально, остро, с вполне читаемым «теть, ты в себе?!». И нет, конечно же, нет. Но, само собой, корчу невозмутимость и продолжаю делать вид, будто ничего не произошло, и вообще-то фотографирую пейзаж за окном.

А что? По-моему, его рельефный торс и расслабленная поза идеально вписываются в концепцию «красота природы русской из окон плацкарта».

Гениально! Премию мне. Посмертно.

Секунда. Вторая. Парень чуть приподнимает бровь. Уголок губ у него дёргается, почти незаметно, но достаточно, чтобы у меня внутри предательски щелкнуло, а потом ухнуло вниз, когда мерный стук колес нарушает арктически-спокойное:

— Серьезно?

Божество переводит взгляд на телефон в моей руке, потом снова на меня, воздух между нами становится плотнее, и черт... Хочу стать мышью, чтобы мгновенно умереть от разрыва сердца. Но меня всего лишь на долю секунды прошибает холодом, а следом жаром стыда.

В это мгновение чувствую себя Серсеей Ланнистер, идущей голой по улицам Королевской Гавани под крики толпы: «позор, позор, позор». Аналогия, как ни странно, придает сил, и малодушное, промелькнувшее на миг, желание откреститься от правды, с королевской смелостью идет к черту.

Я ведь хотела веселья, ну вот, пожалуйста - кушайте, не

обляпайтесь.

И я пытаюсь: пусть внутри все скручивается в один нервный, тугой ком, внешне демонстрирую невозмутимость, будто я вообще тут главная по спокойствию.

— Ну что ты, - тяну с игривой полуулыбкой и, поддавшись вперед, наигранно-доверительным шепотом добавлю, — исключительно на приколе.

Для полноты эффекта подмигиваю, завершая свой перформанс, и мысленно молюсь, чтобы божество не оказалось душнилой, помешанным на границах и правилах, иначе здравствуй административный штраф.

Не то, чтобы меня это слишком беспокоило, просто разочаровываться в понравившемся мужике не хочется. Но, похоже, участь у меня такая, ибо лицо парня нечитаемое, как будто бы даже с претензией, того и гляди, потребует ответить за попорченную честь, однако не успеваю обреченно вздохнуть и закатить глаза, как на четко-очерченных губах проскальзывает скупая усмешка, а взгляд снисходительно теплеет, трансформируясь из пофигистически-хмурого в насмешливо-приценивающийся. С тем живым огоньком мужского интереса, от которого вся моя женская суть встает на носочки и тоненько пищит, как маленькая девочка, стырившая вазочку конфет из бабушкиного серванта.

Я никогда такого не испытывала, чтобы от одного взгляда закоротило, пробрало, превращая тело в сплошной нерв. Парень с ленцой проходится по мне, раздумывая о чем-то

своим, а у меня вместо закономерного возмущения, неконтролируемые мурашки по коже.

Сглатываю тяжело и, видимо, заметно. Божество чуть прищуривается, фиксируя реакцию и удовлетворенно хмыкает, вот только хрипотца выдает взаимность, когда он, наконец, интересуется:

— Ну, и зачем тебе моя фотка?

Хороший вопрос. Про подруг сказать - банальность, да и не в них дело. Ответ у меня в общем-то давно готов, но я даю себе секунду на размышления - стоит ли быть настолько откровенной?

— Деду Морозу пошлю, - решаю идти ва-банк.

Тишина и легкое недоумение во взгляде, а мне смешно.

Что, милый, аллегории не твой конек?

Честно говоря, не удивлена. Даже не сомневалась, что мальчик не поймет мое завуалированное «хочу тебя» и решит, что дамочка окончательно поехала. Вот только я снова ошибаюсь.

Он понимает. Опустив взгляд, качает головой, будто поверить не может, что я реально это сказала. Уголок его рта дергается, парень небрежно и в то же время откровенно проводит языком по нижней губе, прикусывает ее и начинает смеяться. Негромко, красиво, искренне. Я невольно краснею. В мыслях мое признание выглядело остроумнее.

Наши взгляды встречаются, и между нами пробегает искра уже не в одностороннем порядке и не украдкой, а кон-

кретно так, вызываю ту самую химию, которую не назвать прямо, но и проигнорировать уже невозможно. Она не звучит словами, скорее висит в воздухе, как напряжение, натянутое до предела.

Смех парня стихает, но улыбка остаётся - не открытая, но интимная, почти личная, понятная только нам двоим, как и вышедшая на новый уровень извечная игра между мужчиной и женщиной, в которой правила никто не проговаривает, но оба их почему-то знают.

Божество хмыкает, а потом чуть подается вперед, и этот жест вроде бы ничего не меняет, но в то же время сдвигает все внутри меня на целый шаг ближе к нему. Взгляд у него больше не насмешливо-отстраненный. О, нет! Заряженный, цепкий, вызывающе-внимательный. Это внимание ощущается почти физически, как обещание большего.

Парень чуть наклоняет голову в бок, и в его движении нет ни спешки, ни давления, только та самая мужская уверенность, от которой становится труднее держать свою привычную иронию на поверхности. Он подается еще чуть ближе, совсем немного, но этого хватает, чтобы воздух между нами стал еще горячее.

— До нового года долго ждать, не находишь? - шепчет едва слышно. Я на секунду теряю мысль, но не теряюсь, растягиваю губы в насмешливой улыбке и демонстративно облизнув их, бросаю:

— У тебя есть другое предложение?

6. Баба и мужлан

Проследив движение моего языка, парень усмехается. На секунду в его взгляде мелькает что-то такое опасно-голодное, но он не дает ему волю. Улыбнувшись едва заметно, как человек, который уже знает продолжение, но не собирается его озвучивать, встает. Но прежде, чем уйти, задерживает на мне многозначительный взгляд.

Я резко выдыхаю, почти с облегчением, когда он скрывается из виду, и только сейчас замечаю, что поезд остановился на обещанной станции. Соседки начали суетиться, не забывая, правда, осуждающе поглядывать в мою сторону.

— Ни стыда, ни совести, - бурчит пожирательница курицы, проходя мимо.

— Совесть в доле, - бросаю ей вслед, отчего она краснеет и спешит поскорее скрыться. Я удовлетворенно хмыкаю.

Пока люди гуськом продвигаются по проходу к спасительному свежему воздуху, вытягиваюсь на своей полке и подрагивающими пальцами открываю чат с кучей новых подколок и острот. Пролистываю их, не читая, и кидаю без лишних слов бомбу.

Несколько долгих секунд тишины, и понеслось...

Луна_Пуна

*вот это я понимаю - удачно зашла
реально Иисус*

bitches_bitches

когда мужское раздавали, он раздавал

piNk&driNk

тестостерон знаете? Он тестировал))

Луна_Пуна

ага, в тестостероне нашли его кровь

мамочкAsweetАлеши

девочки, ржу

Ни фига себе, а в плацкарте-то оказывается какие эк-земпляры попадаются!

piNk&driNk

искала медь, нашла золото

ему двадцать то хоть есть?

bitches_bitches

да какая разница?!

ради такого можно пойти на преступление

тем более, Ри не впервой

Луна_Пуна

когда мне говорили, что в тридцать я захочу детей, я не думала, что они имели в виду это...

мамочкAsweetАлеши

Может, нам тоже плацкартный тур устроить?

bitches_bitches

без меня

я лучше твоего спиногрызика подожду, пока подрастет

мамочкAsweetАлеши

я тебе подожду, без ждильки останешься

гуччифлипфлап

девич, вы - легенды, обожаю вас

пошла криминалить дальше, держите за меня кулачки

если что, в передачку моих любимых Чапман и молочного

улуна киньте

Девчонки, конечно же, обещают сделать все по красоте и быть верными папочками декабристки, а я, заряженная позитивом, поднимаюсь с полки и, нашарив в сумочке свои Чапман, спешу прочь из душного вагона. Благо, толпа уже сосалась и не надо уворачиваться от свисающих ног и потных тел.

На перрон буквально вываливаюсь, как из парилки. Жар бьёт в лицо. Густой, августовский, пыльный, но всё равно живой. Не этот застоявшийся, пропитанный мерзкими запахами, а приятный. Вдыхаю его глубоко. Раз, второй. Лёгкие сначала будто сопротивляются, а потом жадно хватают тепло, свободу, пространство.

Кроп-топ слегка липнет к спине. Кожа нагрелась, волосы на затылке влажные, и я машинально собираю их рукой, открывая шею. Легкий ветер, скользя по коже, ощущается, как ласка, но не успеваю насладиться, как начинаю замечать взгляды. Слева оценивающий. Справа - откровенный, почти липкий. Чуть дальше - быстрый, украдкой, но возвращающийся вновь и вновь.

Вздыхаю тяжело. Ничего нового, всегда одно и то же: сто-

ит только упаковать свои метр семьдесят семь во что-то откровенней спортивных, как чувствуешь себя, будто на витрине, хочешь ты того или нет. Это утомляет, хотя от одного конкретного взгляда я бы сейчас не отказалась, но сегодня видимо ретроградный меркурий в стрельце. Оглядываюсь, чтобы еще раз убедиться.

Платформа шумит: кто-то курит, кто-то суетится с пакетами, кто-то просто стоит, уткнувшись в телефон. Лица, фигуры, движения - всё перемешано в одну живую кашу.

Прохожусь взглядом внимательнее, будто могу вытащить божество из этой толпы усилием воли. Увы. Усмехнувшись, провожу языком по пересохшим губам и достаю сигарету из пачки. Щелчок зажигалки и боже, кажется, жизнь есть.

Глаза слегка пощипывает от дыма, прищуриваюсь, отчего алеющее на закате небо превращается в сплошной пожар над крышей вагонов.

Это красиво, даже атмосферно по-своему. Вспоминаются летние поездки к бабушке в столицу. Тогда в плацкарте была какая-то магия: рубиловка с соседями в «дурака» или «двадцать одно», Green Day в наушниках и бесконечные поля на фоне раскаленного неба за окном.

Куда эта магия делась? Неизвестно. Может, ушла вместе с детством и юношеством, а может где-то затаилась внутри, задавленная жаждой комфорта и стяжательством, и сидит в ожидании новых смыслов, которые еще предстоит найти.

Под столь философское направление мыслей вдыхаю пол-

ной грудью последний день лета и прикрываю глаза.

— Куришь, - заставляя вздрогнуть, раздаётся позади низкий голос. И вот он точно творит магию с моим организмом, выкручивая все процессы на максимум: от пульса до дыхания. Однако продолжаю делать вид, что это не так - медленно, без суеты поворачиваюсь.

Парень стоит почти вплотную, нарушая мое личное пространство, будто мстя за фото.

Что ж, получается у него вполне успешно - я дезориентирована и первое, что мне бросается в глаза - разница в росте. Божество выше меня на полголовы. Это непривычно и даже как-то волнующе. Скольжу взглядом от накаченной, рельефной груди по линии шеи и челюсти к глазам, и ловлю в ответном тень неодобрения. Легкую, но читаемую.

Ах, вот к чему это «куришь»! Усмехнувшись, затягиваюсь и выдыхаю:

— А что, это проблема?

Божество хмыкает и слегка морщит прямой, аккуратный нос.

— Нет, просто баб курящих не люблю.

— Баб? - вырывается у меня невольный смешок. Охренеть, заявочки!

Божество разводит руками, мол, сорян. Правда, во взгляде ни капли извинений, сплошная провокация и непоколебимое: «ну, а как вас - куряг еще назвать?!».

Я тихо смеюсь и, глядя в глаза цвета бездны, делаю де-

монстративную затяжку. Чувствую, как дым заполняет легкие, как внутри становится горячо, и падаю в бездонную пропасть, медленно выдыхая прямо в красивое, пропорциональное, будто выточенное скульптором, лицо.

— А я не люблю мужланов, - бросаю с вызовом.

Парень усмехается, но без негатива, наоборот, как будто только и ждал такого ответа.

— Я и не прошу меня любить, - заявляет спокойно, не оправдываясь и не отрицая, что говнюк.

— Так и я вроде не напрашиваюсь, - сделав последнюю затяжку, отправляю окурочек точным щелчком в урну неподалеку. Парень хмыкает, не сводя с меня пристального взгляда.

На мгновение повисает тишина. Тягучая, почти осязаемая, воздух становится плотнее.

Секунда. Другая. Божество слегка наклоняется ко мне, я чувствую жар его тела и как горячее дыхание касается щеки.

— Напрашиваешься, - тихо шепчет он и добивает обещающим, — ещё как напрашиваешься, зай.

У меня внутри все переворачивается, а низ живота опалает кипятком. Втягиваю судорожно воздух и плыву еще больше, потому что этот его запах... Будто природа вопит во все горло «твой»: лучшая совместимость, лучший секс, лучший набор генов для твоих детей.

Сглатываю тяжело и не знаю, что сказать, кроме залихватского «заворачивайте, беру».

Закат, шум платформы, чужие взгляды - всё уходит ку-

да-то на второй план. Остаётся только он - необъяснимо притягательный и невыносимо желанный, и понимание - я хочу не просто веселья, я хочу большего.

7. АсТрахань

— Арина, - нарушаю затянувшуюся паузу и близость, делая шаг назад - подальше от искушения, а то еще чуть-чуть, и «здравствуй туалет плацкарта», а я пока не настолько сошла с ума, да и честно признаться, несмотря на мою раскованность и данное себе обещание - после получения красного диплома жить на всю катушку, - случайный секс никогда не практиковала и даже осуждала.

Простите, люди добрые, не знала, что оно бывает вот так...

Тем временем парень недоуменно вскидывает бровь, а я едва сдерживаю желание показать язык.

Что, дорогой? Не нравится, когда соскакивают с темы? Ну, мне тоже в вагоне не особо пришлось по вкусу, так что лови взаимность.

— Это так, просто к сведению, - подмигнув, излучаю легкую издевку.

Божество хмыкает, окинув меня таким взглядом, словно ему со мной все понятно, и бросает в том же «просто к сведению»- тоне:

— Тимур.

Господи, и почему это звучит так сексуально?

— Рада знакомству, Тимур, - смакую его имя, делая акцент на «мур». — Откуда едешь?

— Из АсТрахани, - следуя моему примеру, выделяет он последние слоги, что не может не повеселить.

— Звучит многообещающе.

— И не только звучит. Поверь.

Он подмигивает, а я не могу сдержать смех, потому что этот флирт, с одной стороны, такой лютый кринж и пошлость, а с другой - пускает очередной разряд электричества по моему телу.

— Я уже не в том возрасте, чтобы верить мужчине на слово, Тимур, - парирую со снисходительной усмешкой, на что он тоже закатывает глаза, но не переступает грань по-мужлански пошлым «так давай, проверим». О, нет, Тимур, оказывается, куда утонченнее.

— Да? - приподнимает он бровь. — Не заметил.

Меня снова пробирает смех. Боже!

— Не пойму, это сейчас было оскорбление или комплимент?

— Чем захочешь - тем и будет, - следует пространно-интригующий ответ, подтверждая, что мальчик для своего возраста очень даже непрост.

— Интересный подход, однако.

— Да я вообще интересный, - прорывается мальчишеское бахвальство, будто в пике проскользнувшей мысли, но с ним сложно не согласиться, во всяком случае, на данном этапе.

— Ну, раз так... - тяну многозначительно. — Думаю, следует узнать тебя получше. Ты ведь в Москву едешь?

Тимур кивает, видимо, пытаюсь понять, к чему я клоню.

— Учишься или работаешь? – спрашиваю, как бы между прочим, хотя на самом деле просто тяну время, чтобы настроиться на первый шаг, который мне никогда раньше не приходилось делать.

— И учусь, и работаю. А ты?

— Ты мне льстишь, - улыбнувшись, включаю кокетку.

— Я не умею, - бросает он с ответной улыбкой.

— Так уж и не умеешь?

Тимур чуть ведёт плечом, будто ему самому смешно от собственного ответа.

— Вообще. Прямой, как рельса.

Я скольжу взглядом по его лицу - слишком красивому, но совершенно нечитаемому, даже загадочному, чтобы быть «прямым, как рельса», - и усмехаюсь:

— А с виду и не скажешь.

— Внешность обманчива.

Я согласно хмыкаю в ответ и вновь тону в беспросветной мгле непроницаемых глаз. Между нами опять начинает нагреваться воздух, и только-только утихнувшее было желание снова окатывает горячей волной тело, оседая где-то внизу живота ноющей тяжестью.

У Тимура темнеет взгляд, хотя может, это просто вокруг темнеет, но все это не имеет значения. Есть только мы, молчащие и не отводящие друг от друга глаз, будто ведем немой бой, пытаюсь прорваться дальше, глубже, под кожу, под весь

этот сарказм и шуточки, но глухо - оборону держим обоюдно.

Тимур так вообще закрыт на сто замков. И, конечно же, это манит. Как говорится, закрытые мужчины - наше все, хоть где-то на задворках проскакивает мысль, а может оно в целом глухо, и ничего там нет? Но на уровне ощущений чувствуется второе дно. Хотя девочки наверняка бы сказали: «дай бог, чтоб не сплошное».

— Как насчет кофе по приезду в Москву? - выдыхаю, чтобы уже как-то разрядить атмосферу, а то еще чуть-чуть и по асфальту растекусь. Тимур медленно моргает, будто не сразу понимает, что вообще происходит, а потом насмешливо приподнимает бровь:

— По приезду?

Развожу руками.

— Бабуля была филологом и могла буквально вымыть рот с мылом.

— Суровая женщина.

— Ты даже не представляешь насколько.

— Значит, - лениво тянет он, не сводя с меня своего тягуче-черного в сумерках взгляда, — ты – послушная девочка.

Господи! Ну, вот как у него получается говорить таким тоном, будто он одновременно шутит и мысленно раздевает меня?!

Между нами снова повисает пауза. Острая, горячая, от которой внутри все начинает плавиться. Я не выдерживаю, от-

вою взгляд и прочищаю горло.

— Так что насчет кофе? Должна же я отблагодарить тебя за помощь с тем мужиком.

— Он просто мешал мне спать, - отвечает Тимур абсолютно невозмутимо, будто не он тут грязные намеки делал. И я не могу понять, то ли он так отмахивается от геройства, то ли от моего предложения. Уже открываю рот, чтобы сказать что-нибудь вроде «ну, помог ведь», но над платформой раздается сигнал посадки.

Поезд тяжело лязгает металлом. Тимур бросает короткий взгляд на вагон, а потом у него начинает звонить телефон. Достав его из кармана шорт, он, не говоря больше ни слова, просто разворачивается и уходит, отвечая по пути к вагону на звонок. Без «увидимся», без «договорились», да даже без элементарного кивка или взгляда.

Я ошарашенно смотрю ему вслед и пытаюсь понять, что за фигня сейчас произошла. Это меня так отшили или что?

Пф... Да и пошел он к черту! - кошкой шиплю себе под нос, вливаясь в поток людей, садящихся в поезд. Буду тут еще голову ломать над логикой какого-то мальчишки из плацкарта!

Но тем не менее, ломаю, видимо, не зря он из АсТрахани. Каков в постели еще не понятно, но мозг уже оттрахал от души.

8. Чай, кофе, потанцуем?

В вагон забираюсь с одним единственным желанием - написать девочкам и хорошенько пробомбиться, но будто этого мало, стоит войти в поезд, как на меня тут же обрушивается аромат железнодорожной романтики. После вечерней прохлады он кажется особенно убойным.

Прекрасно. Просто прекрасно. Как же все бесит! Протискиваюсь к своему месту и, едва не рыча, падаю на полку, краем глаза отмечая, что Тимуркина пустует.

Интересно, куда он делся?

На верхнюю полку тем временем с кряхтением залезает тот самый мужик, щедро окатив пространство запахом пота, как скунс. Пожирательница курицы у окна утирает шею полотенцем и тяжело вздыхает, а девушка с нижней боковой убирает столик и стелет матрас с таким решительным видом, будто объявляет всему вагону комендантский час. Что ж, значит, Тимурке придется вернуться к себе наверх, и с искушением будет покончено.

От этой мысли становится до смешного досадно, что, конечно же, бесит еще сильнее. Поезд трогается, я быстренько докладываю девочкам обстановку и даже успеваю убедить себя, что мне совершенно плевать, где шляется этот бортанувший меня мужлан, но тут он, наконец, появляется в проходе. Судя по мокрым волосам и каплям воды на шее, маль-

чик ходил умыться. Вот только от удовлетворенного любопытства легче почему-то не становится. Наоборот. Ибо выглядит этот невозможный тип просто убийственно для моей нервной системы.

Свежий. С влажными темными прядями, падающими на лоб, с каплями воды на торсе, и этой проклятой непрошибаемой невозмутимостью на лице.

Подойдя к месту, он сначала оглядывает застеленную полку девушки с потрескавшимися пятками, торчащими из-под простыни, в которую девушка завернулась, а потом переводит взгляд на меня. Медленно, с ленивым пониманием ситуации и уверенностью, что он видит меня насквозь. В его глазах появляется что-то до ужаса похожее на смешок, отчего мое лицо едва не перекашивает, как при инсульте. Неимоверным усилием сдерживаю желание показать средний палец и продолжаю печатать в чате девочкам, хоть интернет уже и сдох.

В следующее мгновение передо мной вместо экрана моего пятнадцатого айфона появляется экран семнадцатого промакс с открытой вкладкой для нового контакта. Я непонимающе моргаю, потом поднимаю взгляд.

Тимур стоит, удерживая телефон в руке, и смотрит на меня сверху вниз своими невозможными, черными глазами, в которых пляшет откровенное веселье.

Ах, вот как... То есть словами мы уже не пользуемся?

У меня мгновенно возникает желание послать этого при-

дурка, холодно сообщив, что поезд ушел. В прямом и переносном смысле, но показать, что меня задела его выходка - смерти подобно, да и интересно, что творится в этой странной голове.

Поэтому всё-таки забираю телефон. Наши пальцы соприкасаются всего на секунду, но этого хватает, чтобы вздрогнуть всем телом. Ощущение, будто к коже приложили оголенный провод. По руке мгновенно проходит горячая искра: короткая, резкая, отдающая куда-то под ребра. Я почти физически ощущаю, как Тимур едва заметно вздрагивает тоже. Это растекается приятным теплом по щекам. Что бы там не было у него в голове, а хочет он не меньше моего.

Едва сдерживая довольную улыбку, быстро вбиваю номер и в имени контакта пишу «Папарацци», а то «курящей бабой из плацкарта» быть совсем не хочется.

Тимур забирает телефон обратно, читает подпись и тихо усмехается себе под нос, но снова ничего не говорит. Легко хватается за край своей полки и одним движением забирается наверх.

Следующий час похож на пытку, потому что я жду.

В вагоне почти полностью гасят свет, остается только тусклое дежурное освещение под потолком, размывающее лица и превращающее плацкарт в какой-то сюрреалистичный лагерь уставших тел. За окном давно уже сплошная чернота, иногда прорезаемая редкими огнями станций. Где-то в конце вагона начинает храпеть мужчина. Мощно так, с над-

рывом, будто пытается завести старый трактор.

Потрясающая атмосфера, ничего не скажешь. Провожая взглядом огни в окне напротив, слушаю мерный храп и нет-нет, да поглядываю при любом шорохе в сторону верхней боковой полки, словно у организма уже выработался условный рефлекс.

Кому скажи, обхохочутся. Красный диплом, работа, взрослая жизнь, а веду себя так, будто впервые увидела симпатичного мальчика с кубиками пресса.

Телефон внезапно вибрирует, так резко, что я едва не подпрыгиваю на месте. Сердце делает кульбит при виде неизвестного номера, хотя почему неизвестного... Едва сдерживая улыбку, открываю чат. И да, это он.

+79995890313

я не пью кофе

И всё. Ни «здрасьте», как говорится, ни «насрать». Несколько секунд сверлю сообщение взглядом, а потом тихо фыркаю себе под нос.

Господи, что у этих зумеров за патологическая любовь к лаконичности? Риторический, конечно, вопрос. За годы переписки с братом, я уже почти привыкла.

Переименовываю контакт в «божественный мужлан» и, подумав секунду, решаю говорить с ним на его языке.

Папарацци

чай?

божественный_мужлан

давай тогда сразу потанцуем

Ничего себе?! Мы и за такое шарим. Интересно, он тогда уже родился, когда появилась эта песня или его еще даже в проекте не было?

Я поднимаю взгляд, и все вопросы отходят на второй план, потому что Тимур уже смотрит в ответ.

В полумраке его лицо кажется совсем другим: более резким, опасным. Тусклый свет цепляет только линию скул, переносицу и темные волосы, беспорядочно упавшие на лоб, а остальное тонет в тени, из-за чего взгляд его черных глаз кажется почти хищным.

Я тяжело сглатываю, хотя вроде бы ничего особенного не происходит. Он наверху, я - внизу. Между нами сопение десятков тел, запах курицы, доширака и общей тоски, но все это теряет свое раздражающее значение, потому что воздух опять становится тягучим, как тогда на платформе, и нас, будто медленно затягивает в какое-то болото, где все ощущения обостряются до предела.

Телефон снова вибрирует. Я опускаю взгляд. И едва не давлюсь воздухом.

божественный_мужлан

сними шорты

9. Сказка на ночь

Что? Еще раз перечитываю и не знаю, то ли смеяться, то ли возмущаться. Мальчик реально прямой, как рельса, но меня это почему-то не отталкивает, хотя бесцеремонных мужиков терпеть не могу. Вот только тут не столько бесцеремонность, сколько что-то такое по-мальчишески вытрепистое, желающее впечатлить, зацепить, вывести на эмоции. И ведь получается.

Поднимаю взгляд, Тимур по-прежнему лежит, подперев голову рукой, и в полумраке вагона его лицо почти невозможно нормально рассмотреть, только блеск глаз и едва заметную тень усмешки на губах, но этого хватает. У меня внутри всё моментально вспыхивает от его откровенно-бесовестного веселья во взгляде напололам с провокацией. Однако мальчик забывает одну важную вещь - не на девочку нарвался.

Усмехнувшись, быстро печатаю ответ.

Папарацци

с кого?

Сверху тут же слышится тихий смешок. Тимур медленно опускает телефон чуть ниже и смотрит прямо на меня. Глаза в глаза.

Ну, давай. Попробуй выкрутиться.

Во взгляде у него мелькает что-то азартное, почти ху-

лиганское, словно мы сейчас не переписываемся в душном плацкарте среди храпящих пассажиров, а сидим за карточным столом и по очереди повышаем ставки.

Я чуть приподнимаю бровь. Съел, мальчик? Но вместо капитуляции в его глазах вспыхивает еще больше интереса.

Поезд мерно качает на рельсах. Где-то в конце вагона снова всхрапывает мужик. Тусклый желтый свет едва цепляет края полок, создавая вокруг какую-то даже ламповую атмосферу.

Телефон вибрирует.

божественный_мужлан

а с кого хочется?

Я тихо фыркаю себе под нос.

Папарацци

как насчет пожирательницы курицы?

Тимур смеется, сразу понимая, о ком речь, и у меня это вызывает довольную улыбку, как и последовавший ответ.

божественный_мужлан

не буди лихо

неизвестно еще, какой контейнер она вытащит из запасов

Я невольно представляю, как женщина торжественно достаёт из сумки стратегический запас котлет, пирожков и, возможно, даже свиной окорок на случай апокалипсиса. Приходится закусить губу, чтобы не заржать в голос и не разбудить полвагона. Телефон снова мигает.

божественный_мужлан

да и ты вроде деду морозу не тетку заказывала

Тихо хмыкаю и снова поднимаю взгляд наверх.

Зря. Очень зря.

Тимур вновь смотрит и теперь уже без смешков, мне тоже не до смеха. Сглатываю тяжело, пальцы начинают слегка подрагивать, в животе опять тяжелеет. Мне жарко, и я просто не понимаю, что с моим чертовым телом происходит. Я ведь ни какая-то нимфоманка и секса у меня не бывало и поболее, чем полгода, но никогда я не была готова выпрыгнуть из чертовых шорт ради мужика, которого знаю буквально пару часов, а тут - напасть какая-то.

Медленно выдыхаю и печатаю.

Папарацци

хочешь, чтобы я с тебя сняла шорты?

может, еще сказку на ночь почитать?

или как там в детском саду укладывают спать?

На этот раз Тимур отвечает не сразу. Полка тихо скрипит. Он переворачивается на спину, экран телефона освещает его лицо, пока он печатает.

божественный_мужлан

именно так

сначала снимают шорты, а потом толкают скучную сказку под названием «я вообще-то ничего такого не имела в виду»

усыпляет на ура, хочешь проверить?

Наверное, это резонно, но меня цепляет его грубость. Вскипев, набираю ответ: резкий, холодный, отрезвляющий, чтобы вернуть себе контроль. Палец зависает над «отправить», а в голове проскакивает честная мысль: а на что, собственно, я злюсь? Сама ведь начала эти взгляды, подколы, намеки, флирт, от которого кровь продолжает кипеть. Само собой, парень настроился на определенный лад, а тут вдруг игры в недотрогу. А то, что грубит... Ну, он предупреждал о прямолинейности, да и перевозбудился, наверное.

А вообще, чего я так гружусь? Это ведь не что-то серьезное, даже не секс, как таковой. Просто... немного провокации, пощекотать нервишки, время убить, да господи-боже тупо дать хоть раз волю постыдным желаниям. В конце концов, что мне мешает? Задетое слегка самолюбие?

Возможно. Но не настолько, чтобы не бросить в очередной раз самой себе вызов.

Чуть усмехнувшись, наконец, печатаю в дразняще-насмешливом тоне.

Папарацци

а ты случаем не разогнался, дорогой?

Аналогичный ответ не заставляет себя ждать.

божественный_мужлан

разве?

Вот ведь... Стоит признать, Тимурка умеет держать на линии напряжения, не давая сделать ни шагу назад. Хмыкаю и пытаюсь придумать что-то остроумное с привычной

защитной иронией, но телефон вибрирует, и от увиденного всё внутри резко сбивается с ритма.

божественный_мужлан

если бы я спустился

снял с тебя шорты с трусиками и трахнул прямо на пол-

ке

то тогда возможно

Очередное «ЧТО?!» едва не срывается с языка. Таращусь во все глаза на это... даже не знаю, как назвать. Меня бросает то в жар, то в шок, то в холод. Резко вскидываю голову, а Тимур будто только этого и ждет. Ухмыляется дерзко с четко читаемым «ну и что ты сделаешь, зай, кинешь в чс?».

Экран телефона подсвечивает острые скулы и этот его взгляд...

Господи! Внутри всё моментально сжимается, а низ живота окатывает горячей, сладкой волной. Меня бросает в дрожь, потому что в его глазах нет ни капли смущения или попытки сгладить, только голод и что-то такое гипнотически-дурморящее, заставляющее отбросив мораль, представить все написанное в деталях: как он бесшумно спускается вниз, не сводя своего пристального, демонического в ночи взгляда, как оказывается рядом, садясь сбоку, касается меня, скользит горячей, сухой ладонью от лодыжки до развилки бедер, как я судорожно начинаю дышать, пока он не накрывает мой рот своим и, толкнув язык навстречу моему, аккуратно, чтобы никого не разбудить, стягивает с меня шорты

с трусиками, а потом заставляет раздвинуть для него ноги и располагается между них, продолжая целовать меня до головокружения, пока сдернув до середины бедра свои шорты, без прелюдий не входит в меня уже готовую, мокрую, стонущую ему рот.

Телефон снова вибрирует, вырывая меня из моих обжигающих фантазий.

божественный_мужлан

*что такое, о чем задумалась
дорогая)*

Столь игривая подколка доводит меня до желания встать и придушить этого невозможного типа, прекрасно осознающего, как действует своими пошлыми фразочками. В очередной раз краснею, сгорая от духоты и внутреннего жара. Влажные пальцы сами собой впиваются в телефон. Мне хочется ответить что-нибудь едкое. Желательно такое, чтобы самоуверенную, красивую физиономию перекосило к чертовой матери, чтобы стер с лица это свое ласковое «что, зай, уже потекла?», но я опять задаюсь вопросом: что меня так возмущает? То, что он угадал? Или то, что мою привычную роль забрали?

Медленно перевожу взгляд на темное окно, где отражается мое лицо с горящими вместо огней глазами и наверняка ярко-красными щеками, и внезапно становится почти смешно от самой себя.

Как, оказывается, порядочной женщине, привыкшей в от-

ношениях играть в долгую, сложно просто хотеть - без всякой романтики, без придыхания и дурацких бабочек, без планов на будущее, а чисто телесно, по животному, до дрожи, чтобы желанный мужчина перестал ухмыляться и действительно сделал хоть половину из того, что пишет и самое главное, чтобы за это не было так мучительно стыдно, и неловко. Почему меня вообще должно это стыдить?

Потому что девушке положено жеманничать? Ломаться? Делать вид, будто желание - исключительно мужская привилегия? Да пошло оно всё!

Я медленно выдыхаю, чувствуя, как внутри вместо смущения поднимается уже совсем другое - дерзкое, опасное, почти азартное возбуждение. Пальцы быстро скользят по экрану.

Папарацци

да вот думаю

что тебя останавливает?

10. Состояние: аль денте

Отправив сообщение, превращаюсь в один сплошной, натянутый нерв, застывший в ожидании ответа. Каждая секунда кажется вечностью и пыткой, от которой руки сжимаются вокруг телефона с такой силой, что не будь корпус металлическим, наверняка затрещал бы. Я сама точно еще чуть-чуть и затрещу, сжатая в тисках волнения, предвкушения и необъяснимого страха.

Ну, давай! - гипнотизирую экран. Но, конечно же, АсТраханец не был бы собой, если бы не трахнул мою нервную систему. Чувствую его медленно-проходящийся по мне взгляд каждой клеточкой застывшего в ожидании тела и едва дышу, не в силах посмотреть в ответ.

Телефон, наконец, вибрирует, отдаваясь покалыванием и дрожью в пальцах.

божественный_мужлан

любишь, когда смотрят?

Наверное, уже пора прекратить удивляться, но Тимурка не дает. В чем-в чем, а в умении сливаться с темы, ему не откажешь. Что ж, тем интереснее гнуть свою линию.

Папарацци

все спят

божественный_мужлан

ну, это пока

думаешь, будешь подо мной тихонько сопеть?

Закатываю глаза. Ну, конечно, как же мы без понтов.

Папарацци

пока думаю, что многовато болтовни, мало дела

божественный_мужлан

ты серьезно хочешь, чтобы тетка и дядел сверху вздрочили на то, как ты будешь стонать на весь вагон, принимая мой член?

Не знаю, чего я ожидала, но точно не того, что меня вновь окатит кипятком возбуждения и написанная пошлость пронесется отчетливыми картинками перед мысленным взором, отчего между ног запульсирует так, словно эта часть тела стала жить своей собственной жизнью под названием «хочу его в себе».

Поднимаю взгляд, ощущая каждой мурашкой, бегущей по коже, как Тимур смотрит, точнее обжигает меня своим взглядом свысока с пляшущими чертятами на самом дне. Сглатываю тяжело и невольно смыкаю бедра, чтобы хоть как-то унять чертову потребность в этом парне, отключающим напрочь мозг.

Эта его едва заметная усмешка, игра теней на мускулистой груди, отблеск света в глазах и венистые, рельефные руки с длинными пальцами... Боже!

божественный_мужлан

ты ведь уже мокрая

Прилетает, будто насмешкой, а мне хочется взвыть.

За что?! Почему именно в тридцать со мной приключилась такая фигня?! Если бы чуть раньше, можно было списать происходящее на возраст, отсутствие насмотренности, опыта, а теперь... Не знаю. Не могу найти ни одного разумного объяснения. Впрочем, причем тут разум, когда трусы мокрые насквозь?!

Папарацци

пока ты еще ничего не сделал для этого

Конечно же, кокетничаю и провоцирую, хоть мы оба все прекрасно понимаем друг про друга. У него явно стоит на меня так, что он уже не первый раз поправляет шорты и пытается быть не слишком очевидным, а я просто горю, готовая отдаться ему на глазах у всего вагона, только бы заполнить эту пульсирующую пустоту внутри. Никогда я ничего и уж тем более, никого не хотела настолько, чтобы наплевать на все и вся, забыв, кто я.

божественный_мужлан

мне и не нужно

ты потекла еще пару часов назад

Папарацци

меня не возбуждают самоуверенные придурки

Чистая правда, но, кажется, он - исключение, прекрасно это осознающее.

божественный_мужлан

конечно)

тебя возбуждают «детсадовцы»

и это не самоуверенность, а наблюдательность

Папарацци

и что же это за наблюдение такое?

божественный_мужлан

*твои соски еще днем чуть не продырявили топик
выпрашивая мой язык*

Это нокаут моей адекватности и сопротивлению. Плаволюсь изнутри от желания ощутить на себе и этот язык, и по мужски красивые, крупные ладони, и вес сильного, мускулистого тела, и его жар, и сводящий с ума запах. Хочу вся пропахнуть, пропитаться им, стать его, шепча все эти кринжовые «ТВОЯ-МОЙ».

Закрываю глаза на долю секунду, вдыхая полумрак вагона и наше звенящее в воздухе безумие, а потом ловлю себя на том, что улыбаюсь. Оказывается, это так приятно - быть на грани, когда всей собой сосредоточена лишь на настоящем, на том, что происходит здесь и сейчас. Так ярко, остро, волнующе, что внутри все трепещет от сладкого предвкушения, как перед прыжком с обрыва.

Смотрю на экран телефона, едва не выскользнувшего из влажных от духоты пальцев, и понимаю ответить сейчас - значит безоговорочно капитулировать и отдать контроль. Не отвечать - растягивать сладкий ад ожидания, когда каждый шорох, каждый взгляд в полумраке подобны зажженной спичке рядом с тротилом.

И Тимур бросает эту «спичку»: скользит ладонью по жи-

воту, потом чуть ниже, касаясь себя через шорты, отчего я теряю способность дышать. Все во мне замирает на мгновение прежде, чем я окончательно сдаюсь этому мальчишке, что так легко управляет моей бурей.

Папарацци

и долго еще выпрашивать?

Ставшие фоном храп и стук колес разрезает хриплый, сексуальный смешок, пробирающий меня до дрожи. Я настолько отъезжаю от возбуждения, что даже последовавшее сообщение не отрезвляет, хотя в другое время я бы наверняка охренела с такой заявочки.

божественный_мужлан

каждому так себя предлагаешь?

Папарацци

а что? ревнуешь?

или тебя возбуждает мысль быть особенным у меня?

божественный_мужлан

*меня возбуждает мысль быть у тебя во рту
отсосешь мне?*

Мой черед оглушать сонное царство смешком, в который раз поражаясь, как же нагло Тимурка обходит темы, которые ему не по нраву. И я могла бы докопаться, направить вектор в прежнее русло, но зачем, если дошла до той кондиции, когда моя чистоплюйская натура с дипломом, на минуточку, врача, готова без справки от венеролога взять в рот член ед-ва знакомого мужика.

Папарацци

спускайся и узнаешь

божественный_мужлан

сними гребанные шорты

11. Братъ от жизни всё - негигиенично

Что? Опять?

Мне хочется снова пошутить, но я больше не в силах выносить эту осязаемую химию между нами. Я готова. Готова к тому, чего хотела всё это время, к тому, что может начаться, как только он решит.

Медленно приподнимаю бедра, чувствуя, как липкий воздух прогуливается по влажным ногам и пояснице. Меня начинает колотить, пульс шарашит, как ненормальный, а руки дрожат. Непослушными пальцами вытаскиваю пуговицу-болт, потом расстегиваю молнию и медленно, зная, что Тимур наблюдает, стараюсь, как можно грациозней снять с себя шорты.

У меня нет ни стеснения, ни сомнений, только медленная, сладкая капитуляция перед тем напряжением, что мой божественный мужлан создает одним лишь взглядом. Все во мне растворяется в его жадном внимании, остается лишь жажда и потребность в нем, будто я существую только для него, только для того, чтобы он смотрел. Дрожь пробегает от бедер к груди, и каждая клетка кажется готовой откликнуться на этот тонкий, гипнотический контакт.

Вытянув ноги, демонстрирую себя в простых хлопковых

танга, промокших насквозь, но мне абсолютно плевать, в этот момент ощущаю себя неуязвимой и живой, как никогда. Меня захлестывает ощущением полного присутствия.

божественный_мужлан

послушная девочка

Это сообщение заключительный аккорд нашей прелюдии, апогей, после которого либо мы даем выход этому скручивающему в бараний рог желанию, либо падаем в пропасть разочарования и неудовлетворенности, но я даже представить не могу, что жизнь может продолжиться, если Тимур сейчас не спустится и не коснется меня.

Да, диагноз, однозначный - полный отлет крыши, но, как говорится, через съехавшую крышу лучше видно звезды. И они вспыхивают на моем небосклоне, потому что верхняя, боковая полка начинает поскрипывать, Тимур приподнимается на локтях, а потом легко и быстро спускается в проход. Меня бросает в холод, и внутри все резко обрывается. Становится вдруг дико страшно. Ведь это только в фантазиях все легко и просто, а в реальности...

Возможные последствия калейдоскопом проносятся в мыслях. Сглатываю тяжело и смотрю, как Тимур приближается, будто в замедленной съемке. Воздух вокруг меня сгущается плотной массой, а сердце начинает колотиться с такой силой, что кажется, еще чуть-чуть и разбудит весь вагон.

Сейчас бы, наконец, прийти в себя, сдать назад, но с каждым шагом Тимура адреналин в моей крови повышается в

геометрической прогрессии с опасностью, подогревая безрассудство и страсть.

Затаив дыхание и дрожа всем телом, слежу, как Тимур садится на мою полку сбоку. Даже без прикосновения меня пробивает током от его близости и этой сносящей разум энергетики, подчиняющей меня, делающей безвольной, жаждущей, забывающей обо всем и всех вокруг.

Приподнявшись, застываю в паре сантиметров, чувствуя его горячее, мятное дыхание и запах пышущей жаром и желанием кожи, от которого меня в очередной раз ведет, доводя возбуждение до предела. Я становлюсь просто безбожно мокрой и невольно сжимаю колени, что не остается незамеченным.

Глаза в глаза. Его взгляд алчный, дикий, как у хищника, который в секунде от того, чтобы взять свое. Мы говорим без слов, каждый судорожный, шумный вздох - это диалог, в котором лишь два слова «хочу тебя». Не выдержав накала, будто загипнотизированная тянусь к моему божеству, чтобы попробовать его, наконец, на вкус, наощупь, но в миллиметре от губ, он обхватывает рукой мое лицо и грубовато сдавливая пальцами щеки, заставляя приоткрыть рот.

Непонимающе застываю, ословело моргая, но это длится лишь секунду. В следующую Тимур отворачивает мое лицо от своего.

— Ты охуенно пахла бы и на вкус тоже была бы охуенной, если бы не курила, - шепчет он, проводя кончиком носа от

местечка за ухом по линии шеи и обратно, заставляя меня покрыться мурашками и моментально вскипеть.

— Иди в жопу, - выдыхаю ломано и даже предпринимаю слабую попытку вырваться, но хватка становится лишь жестче, что возбуждает меня лишь сильнее, особенно, когда Тимур, хмыкнув, продолжает водить носом по шее, по животному втягивая в себя мой запах и севшим голосом шелестя:

— Я опробовал бы тебя всю, зай, но у меня нет резинки. Пожалуй, сейчас это ощущается, как облом всей жизни. А пальцы тебе на что? - проскакивает спасительная мысль, которую Тимур мгновенно считывает.

— Если коснусь, не смогу остановиться. Мне сорвет планки, и станет абсолютно похуй, будешь ты за или против, залетишь после этого или заразишь чем-то. Я выебу тебя, зай, на глазах у всех, а потом кончу внутрь, потому что я хочу кончить в тебя. Так сильно хочу, что у меня башка отъезжает.

Я всхлипываю от горячей патоки вожделения, ибо тоже хочу. Неадекватно, ненормально, но как есть. Наверное, мне следует попросить знакомых врачей из Кащенко приготовить палату, ибо это что-то нездоровое, когда я вместо того, чтобы отпрянуть протягиваю дрожащую руку и кладу на мускулистое бедро, чувствуя под пальцами хлопок шорт.

— Будь послушной девочкой и не пиши мне до утра, - безапелляционно останавливает меня Тимур на пути к члену, но прежде, чем я успеваю что-то сказать, проводит языком

по шее влажную, горящую огнем, пульсирующую полосу и едва не стонет. — Ты охуительно вкусная... сдохнуть можно, как хочу тебя!

Не успеваю ничего понять, как он резко отстраняется и, поднявшись, стремительно уходит. У меня пульсируют щеки, промежность, да вся я.

Смотрю парализованная шоком в окно напротив и чувствую себя так, словно чем-то тяжелым огрели. Меня колотит от нахлынувшей вдруг прохлады, перевозбуждения и понимания, что кина не будет.

Не в силах переварить это, оглядываюсь и только сейчас замечаю, что поезд остановился на очередной станции, и в другом конце вагона началась посадочная суeta.

Потрясающе, просто блеск! И что теперь?

12. Скорую! У человека утро

Бряк-бряк-бряк-бряк слышу настырный стук ложки о стекло стакана. В нос ударяет запах кофе три в одном и снова бряк-бряк-бряк-бряк, будто специально. Хотя почему это «будто»? Очень даже нарочно, судя по довольной физиономии пожирательницы курицы, ловящей мой сонный взгляд, когда, наконец, удастся продрать глаза.

На часах уже почти семь, а значит прибытие не за горами, что не может не радовать в отличие от суетливой беготни по вагону с полотенцами и щетками в руках. Наверняка в туалет теперь хрен попадешь, но это, пожалуй, не самое паршивое.

Словно в подтверждение моих мыслей бряканье ложки сопровождается смачным серпом и вскрытием контейнера с пирожками, конечно же, с луком с яйцом. Ну, хоть не с капустой и на том спасибо.

Вздыхаю тяжело и накрываюсь простыней с головой.

Полчаса, Арина, осталось продержаться полчаса!

Но, сказать легче, чем сделать. Пусть в рейтинге самых поганных пробуждений нынешнее вряд ли занимает первое место, все же оно поганое. Августовская духота юга сменилась на сентябрьскую прохладу запада, причем так ощутимо, что меня морозит. Надо было посмотреть прогноз погоды и взять хотя бы кофту, но вчера мне было не до того, а теперь зуб на зуб едва попадает, плюс ощущение полнейшей разби-

тости, что совсем неудивительно - уснула я только под утро.

После того, как Тимурка эпично слился, мне понадобилось полночи, чтобы осознать произошедшее и пройти путь от шока до принятия. В процессе я даже поняла агрессию мужиков, которых бортанули на самом пике возбуждения. Так меня еще не колбасило: тело натуральным образом ныло, как при субфебрильной температуре, требуя свое, а трупсы противно липли, будучи мокрыми насквозь. Хотелось в душ, курить и убивать, но все, что я могла - это лежать и, упираясь взглядом в верхнюю полку, размышлять, как доказалась до жизни такой.

Слабой на передок я никогда не была и влюбчивостью не страдала, напротив мой секс всегда был более, чем осознанным и исключительно в серьезных отношениях, хотя клубы и вечеринки с кучей алкоголя не обошли меня стороной, но ни одного туалета я не осквернила за десять лет своей нескучной молодости, а тут, словно наваждение, о котором, конечно, не могу не задуматься.

Вообще, преодолев тридцатилетний рубеж, я будто только и делаю, что задумываюсь обо всем на свете. Может, в этом и кроется причина. Осознаешь вдруг, что молодость ускользает: с щечек уходит детская припухлость, черты обретают строгость, взгляд настороженность. Мир больше не кажется огромным, а будущее грандиозным, у всего появляются границы и потолки, а в копне шикарных волос первый седой волосок, за которым с ужасом гоняешься с пинцетом каж-

дый месяц, прихватывая по пути ещё парочку нормальных и неминуемо скатываясь в кризис тридцати с извечной маятой на тему «Иисус в твоём возрасте уже воскрес, а ты ещё даже не умер».

Может, это такая попытка запрыгнуть в последний вагон? Некий неосознанный бунт против зрелости и перехода из категории «девушка» в «женщина»? Или все проще и со мной случилась в кои-то веки настоящая страсть, которой я смогла поддаться, не атрофировавшись окончательно от однообразия?

Прикинув оба варианта, прихожу к выводу, что как бы там не было, поводов грузиться нет. В нашем эмоционально-контуженном мире с концепцией гиперосознанности испытывать всплеск хоть каких-то чувств, кроме деструктива - большая роскошь. А мораль... она вообще каждые сто лет меняется в зависимости от того, как верхам удобнее водить людей за нос. Файлы Эпштейна тому наглядное подтверждение. Себя эти богатенькие ублюдки ни в чем не ограничивают. И это сейчас не призыв к беспределу, и оправдание всякой гнуси, просто я думаю, что свободная женщина и свободный мужчина вполне могут поддаться страсти и не оправдываться за это. Хотя, конечно, заняться сексом у всех на виду - так себе идея, а без контрацептивов и вовсе ту мач. Пожалуй, Тимуркиной ответственности следует отдать должное, но черт, как же бесит.

Впервые в жизни меня настолько захватило чувствами и

моментом, что несмотря на все доводы рассудка и возможные последствия, я испытывала дичайшее разочарование от понимания, что, кажется, только что просрала первый и вероятно единственный ярчайший эпизод в своей довольно выверенной личной жизни.

Похоже, я какая-то неправильная тридцатилетка. Когда все начинают стремиться к стабильности и тихой гавани, я вдруг осознаю важность и ценность настоящей, живой химии. Но просто меня уже воротит от пластиковой схемы знакомств и отношений. Все эти кофе на вынос, однотипные разговоры о работе, достижениях и планах на будущее в попытке доказать друг другу, что вы достойны несчастных пяти косарей за кофе и потраченного времени. Вроде встречаешь кого-то нового, а на деле ощущение, что листаешь затертый каталог с теми же характеристиками, что и у всех. И так, снова и снова. Тошнит уже от этой психологически-выверенной херни: выбирать мужика столь же придирчиво, как свое селфи для нельзяграма. Хочется по-настоящему - чтобы примагнитила судьба, чтобы потерять контроль, отдать-ся фатуму чувств. Бесповоротно, безвариантно, честно, искренне, с разъемом. А выбирать или не выбирать... этим я могу и на ВБ заняться, когда подыскиваю удобные носки.

Люди не должны быть удобными, они должны быть интересными, любимыми, теми, с кем все внутри горит и поет. У меня от Тимурки горело и пело, и я не хотела это упускать, но навязываться сильнее, чем уже в какой-то степени навяз-

залась - извините, но нет. Кто из нас, в конце концов, мужчина?! Ход теперь за ним.

В ожидании этого хода прошла почти вся ночь. Тимур вернулся в вагон и, даже не взглянув в мою сторону, забрался к себе на полку, где благополучно вскоре уснул, а я, как дура, лежала и ловила в стуке колес да разномастного храма, звук его дыхания и любое маломальское движение, хоть и понимала, насколько это бестолковое занятие.

Ближе к утру, измаявшись, сходила в жутчайший на моей памяти туалет, привела себя влажными салфетками в какое-то подобие порядка и забылась поверхностным сном, после которого теперь чувствую себя развалиной.

Надо вставать.

Заставляю себя выползти из-под простыни, потягиваясь кошкой, чтобы хоть немного вернуть тело к жизни, но похоже, это задача со звездочкой. После вчерашнего мышцы, будто окаменели, обидчиво посылая меня к черту. Что ж, понимаю, я сама не в восторге.

Едва сдерживая стон, прогибаюсь в пояснице. Клянусь, совершенно без задней мысли! Она приходит мгновением позже, и я, конечно же, не могу не покоситься в сторону боковой нижней полки, где, широко расставив длинные, накаченные ноги, развалился собранный Тимур.

Больше никакого голого торса. Все чинно и благородно: белая футболка, сверху олимпийка от Найк и ноль внимания в мою сторону, будто то, что он чуть не трахнул меня в этом

проклятом вагоне, мне приснилось.

Сидит, без особого интереса скролит что-то в телефоне и лениво попивает воду, периодически поглядывая в окно.

Фыркнув едва слышно, закатываю глаза и, подхватив полотенце с зубной пастой, спешу в освободившийся, наконец, туалет.

К черту все! Я тоже отлично умею играть в «похер», особенно, с придурками, набивающими себе цену или что там Тимурка пытается изобразить.

13. Послушная девочка

Туалетная вонь и ледяная вода не добавляют моему расположению духа позитивных нот, но зато бодрят не хило. Пулей вылетев из апофеоза двадцатичасовой пытки, быстро прохожу на свое место, собираю постельное белье, стараясь ни на кого не смотреть, и подхватив сразу чемодан, иду к проводнику в начало вагона.

Поезд, как раз, начинает замедлять ход, уже слышны объявления на Павелецком вокзале. Многие, как и я, начинают выползать в проход с чемоданами, и у выхода образуется очередь.

Раздраженно втянув воздух, застаиваю в середине вагона и, замерев, пытаюсь смириться с расплывающимся внутри разочарованием. К счастью, чувство юмор и рационализм портят мне любую трагедию. Как представляю, что это же пришлось бы сейчас куда-нибудь Тимурку вести, поддерживать в дороге какой-то разговор, неловко договариваться о следующей встрече, опаздывать в первый рабочий день, и уже как-то не так грустно становится.

Когда поезд, наконец, останавливается и люди гуськом начинают продвигаться к долгожданной свободе, я уже готова шагать дальше почти без сожалений. Сжав посильнее ручку чемодана, выхожу из поезда и охреневаю от холода.

Москва встречает не особо дружелюбно: хмурое небо,

грозящееся вот-вот разразиться хорошим ливнем, порывистый, холодный ветер, заставляющий поежиться и обхватить себя за плечи.

Замерев, подумываю каким-нибудь чудом достать кофту из набитого под завязку чемодана, а то пока дойду до такси, околею, но не успеваю рискнуть, как на озябшие плечи опускается что-то теплое, а в нос ударяет уже отпечатавшийся где-то на подкорке размашистым «мой вкусный мужлан», терпкий запах, от которого меня сразу же бросает в дрожь. Чувствую широкие, горячие ладони и едва сдерживаюсь, чтобы не расплыться, как идиотка, в довольной улыбке от мысли, что он не смог отпустить. Догнал, позаботился, сделал шаг.

Прикусив губу-предательницу, так и норовящую поплыть, как, собственно, и я по асфальту, напускаю на лицо ехидства. Ну, а что? Мальчик думал, будет меня игнорить и ему ничего за это не будет? Нет, дорогуша.

Холодно приподнимаю бровь, сталкиваясь с хмурым взглядом, и собираюсь уже что-нибудь съязвить, но Тимур коротко бросает:

— Застегнись.

От давящей, безапелляционной интонации у меня разवे, что челюсть не падает. Хочу спросить: «А ты, случаем, не попутал, дружок?!», однако, заметив острый взгляд, быстро брошенный на мои призывно торчащие от холода соски, едва сдерживаюсь, чтобы не расхохотаться. Оказывается, это бы-

вает приятно, когда проявляют собственнические замашки.

— Какой заботливый, - мурчу насмешливо, вдевая руки в рукава, и с игривой медлительностью застегиваю молнию, глядя в черные, загорающиеся опасным огнем глаза. — Так больше нравится?

Тимур, хмыкнув, забирает у меня чемодан и, ничего не говоря, идет в сторону выхода на парковку. Улыбнувшись, иду следом, сунув руки в карманы олимпийки. Дрожа уже не столько от холодных порывов ветра, сколько от предвкушения и необъяснимой радости.

— Такси на два адреса или...? - тяну вопросительно, достав мобильник из сумочки, когда мы выходим на парковку.

— Меня заберут, - сообщает Тимур сухо и, поставив передо мной мой чемодан, тоже достает телефон. Он что-то быстро печатает, а я несколько секунд жду предложения подвезти, но его не поступает.

Что ж, ладно, у меня так-то тоже дела, хотя все равно слегка досадно, особенно, когда приложение показывает, что такси, как раз, на парковке вокзала, и ждать не придется.

— Такси уже здесь, - объявляю, берясь за ручку чемодана, и киваю в сторону припаркованной неподалеку машины. Тимур отвлекается от переписки и, поправив ремень спортивной сумки на плече, смотрит в указанном направлении, а потом куда-то в сторону въезда на парковку, где у шлагбаума замерла серебристая хонда.

— Дойдешь сама или проводить? - спрашивает торопли-

во, продолжая поглядывать на въезд.

— Да уж как-нибудь справлюсь, - поняв, что мыслями Тимурка уже явно где-то не здесь, парирую недовольно. Спрашивается, зачем провожал, если всю дорогу делал вид, что я ему в тягость?! Раздраженно берусь за язычок собачки, вспомнив, что надо вернуть олимпийку, но не успеваю расстегнуть, как слышу очередное повелительное:

— Оставь.

Вздергиваю недоуменно бровь. Это знак, что знакомство продолжится или...

— Не хочу, чтобы водила пялился.

Ах, ну да, мы же собственники.

— Меня должно это волновать? - дразняще расстегиваю молнию до конца, едва сдерживая дрожь от мгновенно окутавшего тело холода.

Тимур окидывает меня оценивающим взглядом и, усмехнувшись краешком губ, подходит почти вплотную.

— Не должно, - тянет хриплым шепотом, — но волнует ведь.

Я тяжело сглатываю, потому что не просто волнует, а сводит с ума, особенно, когда он берется за полы олимпийки и застегивает ее обратно, глядя мне в глаза с таким давящим предупреждением, мол, попробуй послушаться, что у меня мурашки бегут по позвоночнику и вовсе не от холода, и страха.

— Послушная девочка, - с одобрительной ноткой конста-

тирует Тимур наше недо-противостояние, а я вдруг понимаю, что у меня, похоже, кинк на похвалу, иначе, как объяснить этот вспыхнувший пожар, просто не знаю.

Несколько долгих секунд мы смотрим друг другу в глаза, и кажется, все вокруг перестает существовать: холод, шум города, планы на сегодняшний день... Остаемся только мы: он и его контроль, и я, которой неожиданно нравится быть его «послушной девочкой».

Вопрос: «Что вдруг со мной не так?» - риторический.

Наваждение разрушает телефонный звонок. Тимур, не глядя на то, кто ему звонит, отступает на шаг и бросает спокойно:

— Мне пора.

Я жду продолжения, но его не следует. Телефон вновь звонит, Тимур, сунув руку в карман, отключает звук, а потом явно собирается уйти, так больше ничего и не сказав, и меня это подстегивает хоть как-то прояснить дальнейшее.

— Ну, пока, - выдавливаю легкую улыбку, но напоследок все же напоминаю, как бы между прочим. — Предложение насчет кофе еще в силе, если что.

— Лады, - следует абсолютно ничего не проясняющая усмешка. Тимурка, подмигнув, растворяется среди машин, а я в который раз офигеваю с этой странной молодежи.

Лады... Что, блин, еще за «лады» такие?!

14. Фестиваль кур

Луна_Пупа

Ри, он - стопроцентный рэд флаг

Прилетевший вердикт заставляет невольно закатить глаза. Не то, чтобы я ожидала чего-то другого или была категорически не согласна, все-таки звоночки от Тимурки шли странные, просто серьезно о них беспокоиться нет смысла. У нас не меньше семи лет разницы, и ладно бы мальчику хотя бы было больше двадцати пяти, а то ведь совсем зеленый, чего с ним строить, кроме замков в песочнице?

Да, от него все горит и поет, но стопроцентно, исключительно до первого секса или момента, когда станет всё понятно. Одна встреча, один разговор, секс, и прощай флер загадки, и неприступности, а там уже хоть рэд флаг, хоть трава не расти, будет наверняка не интересно. В конце концов, что может предложить мальчик до двадцати пяти лет, кроме понтов и эмоциональных качелей?

Хмыкнув, смотрю на проплывающий за окном любимый город, затянутый тяжелыми облаками. Быстро, однако, Москва приводит в чувство, а вот такси плетется черепашьям шагом, что неудивительно: полвосьмого утра, первое сентября, центр.

Облокотившись на ручку двери, ощущаю легкую усталость и сонливость. Дождь моросит противной крупой, раз-

мывая городской пейзаж и заставляя сильнее кутаться в Тимуркину олимпийку, вдыхая терпкий горьковато-древесный аромат. Все-таки как же божественно пахнет этот мальчишка... Интересно, что он там сейчас думает? Наверняка тоже с друзьями трет произошедшее.

Представив, какие могут быть обсуждения в мужском чате, хочется сквозь землю провалиться. Мои девочки вон разошлись не на шутку, судя по куче сообщений, от которых у меня начинают лезть глаза на лоб.

Луна_Пуна

сейчас, конечно, игры в незаинтересованность - часть современной культуры свиданий, но оно тебе надо?

bitches_bitches

боже! помилуйте!

можно хотя бы в восемь утра без затертой попсытины?!

Луна_Пуна

а что, я не права что ли?

bitches_bitches

конечно, права!

он же, о, мать божья!! не кинулся с утра-пораньше писать ей сообщения и целовать ноги, а паялся в свой телефон и сказал аж целое «застегнись»

Луна_Пуна

То есть тебя не смущает его тон и то, что он играет в «тяни толкай»?

bitches_bitches

по-моему, ты пересмотрела псевдопсихологов

мамочкAsweetАлеши

Девочки, вы еще посритесь

8 утра, имейте совесть! Дайте спокойно ребенка в сад отвезти!!!

bitches_bitches

да никто не встретя, просто меня бесит нынешняя тенденция - чуть что ставить людям диагнозы

не успеешь вздохнуть, как уже навесили

А потом удивляетесь, что найти никого нормального невозможно

да потому что у вас то границы, то травмы, то еще какая-нибудь херня со старта

только вот никого не смущает, что пацану чуть за двадцать, и это не он снимал Ри на телефон, а она его?

или что? Мужика можно?

piNk&driNk

нифигасе утро?!

девчи, ну вы даете...

Луна_Пуна

я не говорю, что можно, но он ведет себя странно, согласись

bitches_bitches

а ситуация как будто стандарт

каждый день же сопляки в плацкарте встречают блондинку модельной внешности, которая их фотает тайком

piNk&driNk

кстати, поддерживаю

мало ли что он вообще подумал

может, решил, что разводняк или какая-нибудь скрытая

камера

щас же на каждом углу блогеры

Луна_Пуна

ой, в пизду вас!

потом не говорите мне, каким он оказался мудаком

Ри, ты и сама все знаешь

еще раз повторяю: ОН - КРАСНЫЙ ФЛАГ

С шумом втягиваю воздух, чтобы не написать какую-нибудь фигню из разряда «красный - мой любимый цвет» или «конечно, я видела, что он рэд флаг, но и палку, на которой этот флаг держится тоже как бы почти» и в этом «почти» вся соль. Засмеявшись, качаю головой с самой себя. Однако, тридцатилетие не перестает меня удивлять.

Тем временем водитель что-то бормочет про жуткую пробку на Садовом, а я возвращаюсь к моим квочкам.

гуччифлипфлап

ну вы и развели полемику

я же не собираюсь с этим мальцом что-то серьезное

строить

это чисто так

пару свиданий, ночей...

мамочкAsweetАлеши

С этой фразы, Ариша, начинается девяносто пять процентов браков

так что скриньте, она от него еще детей нарождает

Луна_Пуна

вот не удивлюсь

рэд флаги - наше все

piNk&driNk

ухаха, ставки го

гуччифлипфлап

идите-ка вы, правда, в пизду!

подруги еще называются

bitches_bitches

мась, ты нас знаешь, мы и там не пропадем

главное, чтобы твой красотуля до нее, наконец, добрался))

piNk&driNk

ага и желательно с резинками)))

но если что, чур я крестной первого

bitches_bitches

а я - второго

Луна_Пуна

я тогда свидетельницей на свадьбе

мамочкAsweetАлеши

да, блин, нечестно, я ребенка везу

bitches_bitches

не переживай, мать, с таким жеребцом грех троих не за-

бабахать

гуччифлипфлап

*кажется, я давно не пополняла черный список
досвидули, курицы*

piNk&driNk

ко-ко-ко, какие мы обиженки))))))

bitches_bitches

это все неудовлетворенность

*Помолимся же Иисусу, чтобы ниспослал свою великую
благодать и милость на брренное тело рабы божьей Арины
и не допустил беззакония на головы ее пернатых подруг*

piNk&driNk

аминь

мамочкAsweetАлеши

Аминь!

гуччифлипфлап

дурилки

чтоб я еще хоть раз вам что-то рассказала

Луна_Пуна

разом точно ограничиваться не стоит, роднунь))

У меня вырывается уже бог знает какой смешок по счету, пока я отсылаю средний палец. Мы еще некоторое время болтаем о всякой насущной ерунде и планах на неделю, пока девчонки пьют кофе и собираются на работу, а потом их берет в оборот будничная суета, а я, наконец, доезжаю до своей родненькой Плющихи.

Бледно-желтый фасад типовой пятиэтажной сталинки на фоне беспросветной хмари выглядит не самым презентабельным образом, но домам в ЦАО прощаются такие мелочи. Для меня же двушка в шестьдесят пять квадратных метров, доставшаяся после смерти бабушки два года назад, и вовсе не имела недостатков, став оплотом безопасности, независимости и удобства. Так что в подъезд захожу с привычным чувством глубокой благодарности бабуле и мыслью «дом, милый дом», особенно, когда выйдя на пятом этаже чувствую привычный запах сигарет с ментолом. Усмехнувшись, выхожу из лифта и сталкиваюсь с прищуренным, вездливый взглядом не признающих возраста и правил глаз.

15. Горгона и Вешалка

Аполлоновна - наша местная прима и звезда, к маленьким капризам которой уже привык практически весь дом.

Шелковое кимоно, пышная укладка медных волос, огромные кольца на скрюченных пальцах с ярко алым лаком на миндалевидных ногтях, вагон сарказма и неизменная сигарета с ментолом под эспрессо на лестничной площадке.

— Мужская? - элегантно выпуская дым, первое, что спрашивает Аполлоновна, оглядев меня с головы до ног.

— Она самая, - тяну многозначительно с кокетливой улыбкой и получаю ожидаемо выгнутую любопытством бровь и приглашение.

— Вечером ко мне на ликер.

Отказы у Аполлоновны предаются пожизненной анафеме, поэтому просто спрашиваю, подходя к своей новенькой, недавно установленной двери:

— Что принести?

— Ничего, я на диете. Хотя... те фисташковый эклеры, которые ты приносила в прошлый раз, были, страсть, как хороши, - она делает очередную затяжку и театрально вздыхает, вызывая у меня улыбку.

— Ни слова больше, - подхватываю ее тон и уже собираюсь отчалить, как на площадку выбегает черный, пушистый красавец, оглашая пространство требовательным «мяу». —

Мавр, ты нашелся?

Опустившись на корточки, протягиваю руки к питомцу Аполлоновны, потерявшемся в прошлом месяце, и он тут же начинает ластиться, потираясь боками об мои колени.

— Ага, нашелся бледун проклятый и уже опять недавно чуть не сдрыснул из-за твоего Вадика, кстати.

О, Господи, только этого мне не хватало! Теперь понятно, кто мне названивает с разных номеров последнюю неделю. А я-то думала, попустило его. Год как-никак прошел с расставания, а он все никак не уймется. Что за человек?!

— Опять что ли пьяная эпопея была? - спрашиваю обреченно.

— А то. Сидел тут, сопли на кулак наматывал в обнимку с Хеннесси, в любви клялся, прощение просил, маменьку хаял, каялся, что женился тебе назло по ее совету, но теперь готов жену вместе с маменькой послать по первому твоему щелчку. Такое жалкое зрелище было, прости господи. И где ты только эту блажную сыночку-корзиночку откопала.

Я развожу руками. Сама в шоке, адекватным вроде казался, пока не съехались, и его маманя не начала совать нос в нашу жизнь.

— И чем закончилось? - зная, что, если Вадик устроил шоу, то оно было полномасштабным.

— Да чем-чем, не выдержала я его завываний, вышла и сказала, что ты с новым любовником укатила на Мальдивы, так он сразу протрезвел...

— Боги, ну зачем?! Он же теперь мне проходу не даст, - едва не взываю не хуже Вадика, но Аполлоновна лишь небрежно отмахивается.

— Он тебе его так и так не даст, раз нарисовался опять, а у меня Великолепный век шел вообще-то. Из-за этого идиллия такую сцену пропустила между Хюррем и Сулейманом, ах... Вот это любовь, я понимаю! Всеми миру и традициям наперекор, а тут мамке сказать «нет» не могут, тьфу! Хорошо хоть Горгона вернулась со своих грядок и быстро угомонила дурня.

— Какая я тебе Горгона, вешалка ты старая! - врывается в наш диалог скрежет старого замка и не менее старого голоса. — Восьмой десяток разменяла, а все никак курить не бросишь! Позорище! Ты посмотри, срамота какая, дым козырьком стоит!

Римма Яковлевна - главная гроза всей Плющихи и по совместительству заслуженный учитель России по русскому языку и литературе, демонстративно пыхтит и отмахивается, выводя свою беспородную малышку - Жулю погулять, при виде которой Мавр сразу же поднимает хвост трубой и принимает боевую стойку.

— Да если я брошу, куда ты яд свой сцеживать по утрам будешь, злыдня?! - не отставая от питомца, шипит Аполлоновна. — Сдохнешь же!

— Не волнуйся, тебя уж как-нибудь переживу, - обещает Римма Яковлевна и переключает свое въедливое внимание

на меня, моментально смягчаясь и растягивая губы в доброжелательной улыбке. — Аринушка, ну, как ты, дорогая, съездила?

Аполлоновна фыркает, но ничего не говорит. Не смотря на вечные склоки, симпатия ко мне их странным образом объединяла, что не могло не радовать.

Пару минут мы болтаем о прошедших двух неделях, но поскольку времени у меня в обрез, обещаю Яковлевне зайти после работы за кабачками и поболтать основательно.

— Ой, Аринушка, забыла же, - спохватившись, заставляет она нас уже готовящихся разойтись по своим квартирам, замереть. — Братец твой заезжал.

Я с шумом втягиваю воздух, ибо от визита Валерки добра ждать не приходится. И точно...

— Просил передать, чтоб ждала повестки в суд.

— Вот суки-то, ну никак не уймутся! - цокнув, озвучивает мои мысли Аполлоновна.

— А что ты хочешь?! Квартира в Хамовниках - это тебе не хухры-мухры, тридцать миллионов на дороге не валяются, - резонно замечает Яковлевна. — А я сразу, как увидела эту Галочку, Лидке сказала - гони к черту, иначе житья не даст. Хорошо, что она им ничего не отписала, а то бы шас вешались здесь. Ой, мне вот до сих пор не верится, как Николаша мог красавицу Катюшу на это недоразумение променять, ведь не глупый же парень был.

— А потому что не по Сеньке шапка. Чтоб такую шикар-

ную женщину, как Катюша, потянуть, надо мужиком быть, а не тютей - матютей.

Я согласно хмыкаю, ибо из песни слов не выкинешь: папенька мой человек хоть и неплохой, но мямля, променявшая мою невероятную маму на убогое в своей злобе и зависти, неказистое нечто в лице Галочки, не дающей мне жизни, сколько себя помню. Теперь еще и дуболобый братец подключился. Как говорится, час от часу не легче.

— Детка, ты давай, нос не вешай, все хорошо будет, - заметив, что я погрузилась в свои невеселые мысли, подбадривает Римма Яковлевна.

— Конечно, будет. Раз уже отвоевала свое, и второй отвоюешь, - присоединяется к поддержке Аполлоновна, я же киваю с вымученной улыбкой и спешу попрощаться, ибо объяснять не желания, что в тот раз у меня был Вадик со своим адвокатским бюро и связями, а теперь ни денег, ни Вадика.

16. Б/у дни. Вторник

— Доча, не переживай, мы с Пашей поможем, кредит возьмем, если что, - заверяет мама со всей горячностью своей шептливой натуры, пока я навожу марафет.

До работы остался час, а у меня ещё ни укладки, ни макияжа, ни примерного представления, как хочу выглядеть в свой первый рабочий день на новом месте, зато я хорошенько отскребла с себя плацкартную вонь.

Масло для душа, энзимная пудра и крем с ароматом хлопка вернули ощущение чистоты и комфорта, и теперь, сидя перед туалетным столиком, потягивая латте, я разве что не мурчу, осознавая ценность мелочей и простых радостей. Как минимум, ради этого стоило проехаться в плацкарте.

— Мам, ну какой кредит?! - отмахиваюсь, выравнивая тон. — Я машину продам, если уж совсем прижмет. Не волнуйся твоя дочь - взрослая девочка, сама справится.

— Так, взрослая девочка, ты давай тут без этого мне! Тебе ремонт доделывать надо, кредит выплачивать и про себя не забывать, так что угомонись! - грозит мама кулаком в камеру. — Машину она продаст! Ага, щас! Столько из-за нее натерпелась от этого мамкиного сынка, а теперь продаст она. Гордость свою и самость уйми, нам с Пашей только в радость тебе помочь.

— Вам сейчас Русику на универ копить надо, - отрезаю, на

что мама цокает, готовая спорить до победного, но я меняю тему. — Кстати, передай мелкому поганцу, что за подставу с плацкартом, дивиденды от сестры до нового года приостановлены, пусть подумает над своим поведением.

— Эй, - слышу возмущенный голос братика. — Там купе было распродано.

— Ага, заливай, - отмахиваюсь, принимаюсь рисовать стрелки.

— Да серьезно! - лыбится наша с мамой светловолосая копия в камеру и тут же заявляет с важной моськой. — А вообще тебе же щас деньги надо экономить, вот считай начала.

— А я о чем? - киваю со смешком, пока до братика доходит, что он сам себе подложил свинью.

— Да блин, - стонет, допетрив. — Все, ты больше не моя любимая сестренка.

— Я у тебя единственная, так что хоть люби, хоть не люби, других не предвидеться. А вот у меня, на минуточку, есть из кого выбирать.

Я ехидно подмигиваю, а брат от возмущения выпучивает наши фирменный огромные, голубые глазищи.

— Че? Ты меня щас с этим оффником в один ряд поставила? - кривится Русик, а я и сама кривлюсь, вспомнив вечно набыченного братца по отцу. Такого в переулке встретишь и забудешь, как мать родную звать. Русик тем временем продолжает:

— Все, гуд бай, пожизненный бан. Не сестра ты мне боль-

ше, к Валерке своему теперь по всем вопросам с компом и ВПН.

Брат театрально отмахивается от направленного на него телефона, а мы с мамой, смеясь, начинаем сюсюкать, задабривая нашего любимого мужчинку.

— Даже не пытайтесь, - вытрепывается он, доедая бутерброд.

— Доча, - переводит мама камеру на себя, когда Русик, попрощавшись, убегает в школу. — Ну, ты меня услышала, надеюсь?! Не вздумай в одного тянуть, а то я тебя знаю: обратишься еще к этому придурку Вадику, лишь бы никого не беспокоить...

— Мам, - закатываю глаза, не в силах даже представить себе такой расклад, уж точно не после всех скандалов и концертов. — Я же не совсем идиотка.

— Вот именно! Решишь использовать его прибабахнутую одержимость.

— Господи, не смейся.

— А что? Я твою авантюрную натуру знаю. Рискнешь, а потом... поверь мне на слово, не отвяжешься.

— Мамуль, я знаю, - едва не со стоном отзываюсь, втягивая с шумом воздух и начиная жалеть, что на эмоциях поделилась с мамой обрушившимися новостями. — Не собираюсь я с ним связываться. Мне хватило склок и разборок на три жизни вперед, а уж припадков его мамыши и вовсе...

— Ой, это точно, - качает мама головой, вспоминая тот

непростой период годичной давности. — Какая же все-таки чокнутая семейка - не приведи Господь! Хорошо, что ты от них отвязалась. Но я все равно думаю, что не надо было тебе включать гордость и переписывать кредит на себя, пусть бы и дальше платил этот идиот. После всех истерик его мамыши, он тебе не то, что машину, автопарк должен!

Я смеюсь и мысленно накладываю крест.

Свят, свят! - как любила приговаривать бабуля. Еще полгода угроз и телефонного террора, который мне устроила мамаша Вадика, требуя вернуть машину, за которую платит ее сын, и у меня бы крыша поехала. Да и в гробу я видала перспективу ездить на машине, которую оплачивает мужик, считающий, что его мама имеет право указывать мне, когда рожать, когда встречаться с подругами и как, и на что тратить деньги, причем мои собственные. Удивительно, как она еще не приехала со всем списком подарков и вещей, которые купил мне за два года Вадик, и не потребовала их обратно.

— Ладно, мамуль, мне надо уже скоро выходить, - покончив с макияжем, разворачиваю полотенце на голове и поднимаюсь, чтобы сделать укладку.

— Давай, дочур, удачи на новом месте и будь осторожнее, а то этот дурень - Валерка не дай бог что выкинет. У него же в башке черт знает, что. В двадцать пять лет сидеть у мамки на шее, да по подворотням шляться - это с ума сойти можно. Ой, теперь душа у меня не на месте будет. Может, ну его этот центр, донь? Купишь где-нибудь подальше квартиру, но

зато в новом ЖК с охраной, консьержем и видеонаблюдением, - заводит мама свою любимую шарманку. С тех пор, как я рассталась с Вадиком и переехала в бабушкину квартиру, этот разговор поднимался постоянно.

— Мамуль, все, не паникуй, у меня тут два зорких глаза на страже порядка, с ними никакой охраны и консьержа не надо.

Мама, засмеявшись, вымученно соглашается, и узнав, как поживают мои ключики, заканчивает видеозвонок, я же спешу уложить волосы стайлером и, наконец, выбрать наряд.

Белая тенниска, заправленная в классическую мини-юбку с акцентным разрезом сбоку, белые носки на голые ноги, лоферы и графитовый оверсайз пиджак создают идеальный смарт-кэжуал, как из пинтерест, удовлетворяющий меня на все сто. Элегантно, комфортно, слегка кокетливо, что, наверное, для преподавателя кафедры медицинского университета не совсем уместно, но поскольку я все равно переоденусь в халат, то плевать.

Завершив ансамбль парой капель Черной Орхидеи от Тома Форда, понимаю, что вполне успеваю и даже могу, не торопясь, дойти до клиники пешком.

Один из плюсов новой работы - то, что она находится в десяти минутах ходьбы от моего дома, что после двенадцати лет мытарств сначала в метро, а потом столичных пробках ощущается, как благословение небес. И я в самом деле наслаждаюсь, даже не взирая на погоду, пока шагаю по родной

улице, покрепче ухватившись за ручку зонта и легонько размахивая сумочкой от Прада - подарком Вадика, кстати - но стоит только завернуть на переулок Тружеников и ступить на пешеходный переход, как буквально передо мной с визгом тормозит серая Хонда, окатывая мои белые носки грязными брызгами.

17. Хуже кармы только я

Я смотрю на свои заляпанные почти до колен ноги и едва сдерживаю мат, особенно, когда вижу раздраженно надутый свисток какой-то, заштукатуренной по всем правилам быоти-туториалов, девицы, закатывающей глаза под реснички 3Д.

— Ну, проходи уже, опаздываю, - заявляет эта охреневшая дура.

— Водить научись сначала, а потом возникать будешь, - бросаю в ответ и, поставив ногу на бампер Хонды, под шокированные взгляды стягиваю носок. Мне тут же начинают сигналить и девица в том числе, но срать я хотела. Еще бы хамло невоспитанное, не извинившись, уехало, как ни в чем не бывало, ага. Медленно обтираю ноги носками и, со всей кипящей во мне яростью, бросаю их в лобовое стекло, заставляя девицу вылупить глазищи и сжать от злости свою накаченную свистулю в куриную жопку.

— Больная! - бросает она мне, на что получает средний палец и медленную походку от бедра.

— Красотка, давай подвезу, - опустив стекло, игриво предлагает мне какой-то мужчина на Лексусе. Я шлю улыбку, полную притворных сожалений и, помахав, спешу на парку, до которой осталось четыре минуты.

В свое отделение влетаю на таких скоростях, что медсест-

рички и пациенты едва успевают уворачиваться.

— Ты чего? - спрашивает меня Эллочка Викторовна - заведующая отделением и по совместительству моя хорошая знакомая, с которой я прожила первые два курса в общежитии до выпуска Элочки. Собственно, она и предложила мне место у себя в пульмонологии, узнав, что у меня не клеится с руководством на моей прошлой работе.

— На пару опаздываю, - стягивая с себя одежду, пытаюсь взглядом отыскать методички и стетоскоп.

— У тебе сейчас учебники?

— Ага, - судорожно хватая воздух, шелкаю заклепками на халате и ищу оставленные еще две недели назад лодочки цвета нюд.

— А потом? - спокойно наблюдая за моими заполошными сборами, интересуется Элла.

— Потом здесь буду в отделении, у меня полчаса до пары у стоматологов, а потом - на обед хочу сходить в Хэндс, ты со мной? - рапортую на ходу.

— Да, намери меня, - бросает Эллочка мне вслед. Кивнув, машу ей рукой и отправляюсь на пару, где первое, что вижу - вытягивающееся лицо хамки из Хонды.

Ну надо же... Вот это поворот! Однако, бумеранг, как никогда, оперативен. Не то, чтобы я собираюсь гнобить эту бес-толочь, просто будет забавно посмотреть, как хамлю начнет волшебным образом перевоспитываться. Чувствую, скучать мне не придется.

И точно: всю пару девица по имени Анжелика Чернышова заискивающе задает мне кучу вопросов елеиным голоском, демонстрируя небывалый энтузиазм и интерес, всем своим видом давая понять, что она - прилежная студентка, которую просто не так поняли. Меня это веселит и ужасно подстегивает включить режим суки, но после пары Чернышова, задерживается и, помявшись, начинает извиняться, таратора, что у нее было тяжелое утро: пробки, с парнем поругалась, а тут еще я...

— Арина Николаевна, я бы извинилась сразу, просто все так навалилось сегодня, - кается она, вызывая у меня желание закатить глаза. Как говорится, мне бы твои проблемы, девочка, но я заверяю ее, что зла не держу и отпускаю с миром, ибо перерыв не резиновый, своих забот хватает, да и день действительно может быть хреновым настолько, что вспылить - раз плюнуть. Однако, насчет этой Лики не обольщаюсь - такие всегда хорошо стелят, когда выгодно, а как чуть - зубищи акулы показывают. Но поскольку мне с ней детей не крестить, пусть стелет пока стелется.

Перерыв проходит суетливо в знакомстве с коллективом и попытками изучить истории болезней пациентов, которых мне предстоит вести. Погружаюсь в работу так, что на пару немного опаздываю. Благо, стоматологи не меняются с годами: все, что не касается их профильных предметов кажется им не особо важным, поэтому внимание не акцентируют. Зато я замечаю, что многих нет.

— Мингаров тоже отсутствует по неизвестной причине? - обнаруживаю четвертого прогульщика и цепляюсь взглядом за имя - Тимур, от которого на мгновение сбивается пульс.

Господи, докатилась! Скоро будет везде мерещиться.

— Нет, Арина Николаевна, он по уважительной, - тем временем подает голос староста, — у него бабушка умерла, сегодня хоронят, а он не местный, поэтому не смог приехать, но очень просил дать возможность отработать сразу на занятии, а не в субботу. Можно он подготовится и сдаст?

Я с шумом втягиваю воздух, потому что знаю - дашь одному поблажку, и все начнут нагнать, но похороны бабушки все-таки и правда причина уважительная, если, конечно, студенты не охренели в конце.

— Ладно, пусть готовится отработать на следующей паре, у меня будет десять минут после окончания.

Староста благодарно кивает и сразу же хватается за телефон, быстро строча сообщение.

Парень что ли ее этот Мингаров? - проскакивает мимо-летняя мысль и тут же забывается, стоит начать объяснять тему.

День пролетает, как один миг. Суетной, напряженный, полный новых знакомств и обязанностей. К вечеру чувствую себя выжатым лимоном, но за ликером у Аполлоновны и откровенными разговорами, у меня открывается второе дыхание и предвкушение.

До ночи я, как заведенная, порхаю по своей квартире, раз-

бираю чемодан, убираюсь, готовлюсь к завтрашнему дню и жду... Звонка, приглашения на свидание, да хоть просто точки или смайла, но сообщения приходят, пикая уведомлениями, отчего у меня едва сердце не вылетает из груди, однако стоит заглянуть в телефон, как разочарование топит с головой, потому что все не то, не от него.

18. Попытка номер пять

Прошла среда: долгая, нудная, полная предвкушения, прошел четверг - нетерпеливый, нервный, все еще надеющийся, за ним последовала пятница - напряженная, взбешенная, мечущаяся и вот настала разочарованная суббота, но ни звонка, ни сообщения от Тимура так и не последовало. Все эти четыре дня я периодически, с частотой раз в полчаса, гипнотизировала взглядом наш чат, аватарку в сине-черных тонах, на которой было видно лишь коротко стриженный затылок, упакованный в черную кепку, да широкий разворот плеч на фоне штормового моря, и у меня внутри все сжималось в тугую, жесткую пружину, ибо под насмешливым «божественный мужлан» из раз в раз красовалось издевательски-дразнящее «был недавно в сети». Оно хлестало, будто кнутом мое самолюбие, вызывая злость, негодование и полнейшее непонимание происходящего. Если мальчик не хотел продолжения, зачем провожал до такси, демонстрировал заботу и собственничество?

— Да просто на эмоциях, а потом попустило и струсил. Приехал в какую-нибудь занюханную, студенческую общагу или съемную хату где-нибудь на Некрасовке, да понял, что не потянет, - хрустя чипсами, подкидывает Дашка - piNk&driNk еще один вариант в и без того уже внушительную коллекцию.

— Вполне вероятно, - согласно кивает Женька – битчес, облизывая масляные пальцы после копченной скумбрии.

Мы с моими курами, как и договаривались, собрались у меня на девчачьи посиделки и теперь, устроившись на полу в гостиной вокруг стеклянного журнального столика, заставленного совсем не девичьим набором - крафтовым пивом, чипсами, суши и копченой рыбкой, - обсуждали прошедшие недели с последней нашей встречи. Конечно же, гвоздем программы стал Тимурка, чтоб ему икалось и чесалось во всех местах.

— А я вот не пойму, чего ты так загрузилась? - резонно замечает Златка - она же Лупа_Пупа и самая строгая женщина в нашей компашке, — мало ли что у этих микрозаймов в башке.

— Микрозаймов? - прыснув, едва не давимся пивом.

— Златка, ты как придумаешь че, - озвучивает общую мысль Лелька - наша единственная мамочка среди непутевых тридцатилеток.

— Ну, а как их еще назвать? Не успеешь даже взглянуть, а уже проблем куча. Он тебе за кофе заплатит или позвонит первый, а потом выкатит список требований с пожарную каланчу. Они же щас все принцессы похлеще девок. Из мужского только имя. И этот поди тоже сидит и ждет, что ты ему сама напишешь.

— Не, - качаю головой, жуя ролл, — в том и дело, что от него мужиком несло так, что с ног сбивало. Энергетика такая

типа «я все решу, не рыпайся».

— Ага, или очередная кинокомпания «Пиздеж пикчерз, представляет», как у Лелика, - скептически закатывает глаза Женька, сдувая прядь русских волос. — Блин, это чертово каррэ все время в рот лезет. Дай крабик какой-нибудь.

— Ну, нет, Лелик - понторез обыкновенный, это сразу было видно, а тут... - поднявшись, вздыхаю я и развожу руками, не в силах объяснить, на что девочки снисходительно усмеваются и начинают голосить мне в след, пока я иду в спальню:

— Но пятый мой совсем не такой, в его руках я таю как снег, меня уносит темной рекой, в под-не-бе-сье...

— Тихо вы, дурилки, а то щас Яковлевна припрется и будет нам тут, и пятый, и десятый, - вернувшись, шикаю на них, протягивая крабик Женьке.

— Короче, поплыла ты, мась, - резюмирует Дашка, когда мы, просмеявшись, возвращаемся к пиву и нашему разговору.

Я хмыкаю, не видя смысла отрицать очевидное. Поплыла и еще как.

— В этом и вся соль. У меня никогда такого не было, чтобы с первого взгляда и телефон из рук не выпускать. Всегда как-то с расчетом, насколько подходит и надо ли, а тут просто наваждение какое-то.

— Слушай, ну учитывая твои «расчеты», - иронично тянет Женька, и все, как одна одобрительно хмыкают, а мне

хочется их покусать, хоть они и правы.

Мужчины у меня не то, чтобы совсем уж тушите свет, после моего первого - Лелика с его мутными темками, стойвшими мне нескольких месяцев тревожности, я выбирала исключительно безопасные, понятные варианты. Но, как выяснилось, у «безопасных и понятных» тоже свои подводные камни. ОКР-щик Дима, помешанный на чистоте, порядке и экономии, и маменькин сынок Вадик - тому наглядное подтверждение.

— Миша нормальный был вообще-то, просто у нас взгляды на жизнь не совпали, - усаживаясь, вспоминаю свои последние отношения полугодовой давности.

— Это тот нормальный, который считал, что первоначальный взнос по ипотеке можно родить? - уточняет Златка издевательски, а я в который раз поражаюсь ее памяти. Даже я уже забыла, какую ересь, порой, нес Миша, из-за чего, собственно, и был послан, а у Златки, вон, все на учете, не зря она аудитор.

— Да ну вас, - отмахиваюсь с улыбкой и запиваю свои былые разочарования пивом, в который раз погружаясь в думки о Тимуре.

Все-таки, не понимаю я, почему он вдруг решил отморозиться. Ведь хотел не меньше, уже даже себе присвоил и был абсолютно на крючке. К тридцати такие вещи чувствуешь безошибочно.

— Может, у божественного тоже уже «первый взнос» вне-

сен, - выдает вдруг Лелька, будто читая мои мысли. Мы еди-нодушно устремляем на нее удивленные взгляды, а она лишь пожимает плечиком, откидывая рыжие волосы за спину. — А что? Молодежи сейчас как-то надо жильем обзаводиться, материнский капитал выручает.

Девочки начинают обсуждать подкинутую идею, а я, за-мерев с не донесенным до рта роллом, едва не давлюсь воз-духом от столь дикой перспективы.

— Ну, нет, он не похож на молодого папочку, - отреши-ваюсь, а сама вспоминаю хриплый шепот: «Мне сорвет план-ки, и станет абсолютно похуй, будешь ты за или против, за-летишь после этого или заразишь чем-то. Я выебу тебя, зай, на глазах у всех, а потом кончу внутрь, потому что я хочу кончить в тебя».

Что, если это только у меня было помутнение рассудка, а у парня в порядке вещей незащищенный секс?

Меня передергивает, и становится дурно. А ведь я даже не подумала, что он может быть несвободный. Впрочем, я во-обще ни о чем не думала, когда предлагала ему себя, так что, пожалуй, то, что он так и не перезвонил к лучшему. Сколь-ко бы еще я наделала ошибок, идя на поводу этого дикого влечения?

Однозначно, катастрофически много, но даже осознание этого не глушит поселившуюся в груди досаду.

— Слушай, может, тебе самой ему написать, раз так заце-пил, - предлагает Женька решение, которое ни раз искуша-

ло меня в эти дни, но гордость брала верх, и сейчас тоже не собиралась сдаваться.

— И что я ему напишу? - бросаю иронично. — С хера ли тебе на меня похер?

— Зато прояснишь ситуацию и будешь спать спокойно, - непринужденно замечает Дашик и отправляет в рот «филадельфию», надувая и без того пухленькие щечки.

— А что тут неясного? Слился парниша, - припечатывает Златка, как всегда, без лишних расшаркиваний. — Все, финита ля комедия.

— Ой, какая ты душная, - кривится Женька.

— Ну, зато вы веселые, а потом сопли на кулак наматываете.

— Ты давай тут, не бузи, а то щас к Яковлевне отправим, будете там на пару брюзжать, - пихает Лелька локтем нашу зануду, на что она фыркает и посылает нас к черту.

Мы смеемся и постепенно переходим на другие темы. Дашик рассказывает про сложности их с Игорьком цветочного бизнеса, Лелька - про свой затянувшийся развод и адаптацию Лешки в садике, Женька - про ремонтный Марлезон, который я, как никто понимаю, Златка тем временем продолжает показательно пыхтеть, поедая рыбу, я же делюсь впечатлениями о студентах, занятиях, клинике и конечно, коллективе.

19. Я назову собаку именем твоим

— Кстати, вы помните, я рассказывала вам про одну мою преподашу, которая в прозрачных халатиках вечно ходила? - не могу не поделиться главной рабочей сплетней. Девочки тут же усиленно начинают вспоминать, а потом озаренно кивают по очереди.

— Это которая еще накаченных мальчиков всегда вызывала для демонстраций навыков? - конечно же, не упускает Златка возможности блеснуть своей феноменальной памятью.

— Да, - киваю со смешком. — В общем, она так и работает на кафедре и, не поверите, до сих пор бельем светит.

— Легенда! - хохочут девчонки.

— Так ей же уже тогда сильно за сорок было, а сейчас-то и вовсе под полтос, - поражается Лелька.

— Пятьдесят пять! - провозглашаю торжественно, отчего девчонки неверяще таращатся с ошарашенными улыбками, я же, довольная произведенным эффектом, продолжаю. — Но это не главное. Там, оказывается, целая история за этим стоит. В общем, у Степаниды бывший муж работает в нашей же клиники, только в хирургии. Он ей изменил с какой-то медсестричкой и Степанида, конечно же, узнала, развелась с ним, а потом начала одеваться... точнее - раздеваться, флиртовать, романы заводить. У ее бывшего муженька чуть удар

не случился от таких выкрутасов, говорят, там такое шоу было, вся клиника на ушах стояла года три точно.

— Охренеть! Вот это страсти!

— И чем закончилось? Сошлись?

— Да непонятно, они говорят, то сходятся, то опять расходятся. Но Степанида теперь себе не изменяет.

— Ну и правильно, с нее мужа достаточно, - фыркает Златка, а Дашка поднимает бокал и толкает речь:

— Давайте за то, чтобы никогда ни при каких ситуациях не изменять себе, тем более, из-за мужиков!

Мы все единодушно поддерживаем, поднимая свои бокалы и клятвенно произнося «Аминь!».

Вечер, как и всегда, проходит душевно: с юмором, иронией, откровениями, сплетнями и спорами. Разъезжаются девчонки за полночь, договорившись, что в следующие раз идем в наше караоке - где мы, собственно, познакомились и подружились десять лет назад, подрабатывая там официантками.

После ухода девчонок квартира становится непривычно тихой, только холодильник монотонно гудит на кухне да за окном шуршат редкие машины по мокрому асфальту.

Я лениво собираю со стола бутылки и мусор, запикиваю в холодильник недоеденные роллы и, плюнув на остальное, плетусь в душ. Голова приятно легкая от пива, тело расслабленное, но внутри все равно что-то зудит, не давая окончательно выдохнуть и заснуть.

После душа лежу поверх одеяла в одних трусиках, уставившись в потолок, по которому медленно ползут тени от фар проезжающих машин. Они растягиваются длинными полосами, ломаются о люстру, исчезают и снова возвращаются. В комнате пахнет моим шампунем, маслами, распыляемыми увлажнителем воздуха и фантомным ароматом парфюма, будто намертво въевшимся мне в мозг после той ночи.

Переворачиваюсь на бок, подтягиваю одеяло и честно пытаюсь думать о чем-нибудь другом: о планах на завтрашний день, о парах в понедельник, о том, что надо записаться к косметологу, но мысли все равно, как собаки на поводке, тянут обратно - к коротко стриженному затылку на аватарке, к хриплому голосу, к тяжелому взгляду и к тому, как меня ведет рядом с этим парнем, будто в кровь что-то подмешали.

Кошусь на телефон, лежащий на тумбочке, но не позволяю себе взять его в руки. Однако, будто назло прилетают сообщения от девочек, что они доехали, и моей выдержке приходит конец. Открываю чат с Тимуром, меня встречает привычное: «был недавно в сети». Сине-черная фотография снова полосует раздражением.

Сволочь! Вот не мог просто сказать, что неинтересно? Или это какая-то стратегия?

Раздраженно отбрасываю телефон на кровать, но уже через полминуты снова беру в руки, потому что не могу. Просто не могу так все оставить. Не в моем характере сидеть и строить догадки, мне нужно понять, закрыть, так сказать, ге-

штальт, пусть даже правда окажется тупой и неприятной.

«Напиши сама», - вкрадчиво шепчет внутренний голос.

«Ага, и окончательно выстави себе на посмешище!» - тут же огрызается гордость.

Я маюсь еще минут двадцать. Перекатываюсь с боку на бок, открываю чат, закрываю, блокирую телефон, снова разблокирую. В какой-то момент даже ловлю себя на том, что уже просто смотрю на мигающий курсор в строке сообщения.

Ой, да пошло оно все! Спишем на пиво. Палец тыкает в экран раньше, чем я успеваю передумать.

«Чего пропал?» - пишу и сразу же стираю. Слишком прямолинейно.

«Я так понимаю, продолжения не будет?»

Господи, фу! Что вообще за обидки?!

«Мог бы...»

Нет. Нет-нет-нет! Это еще хуже.

Со стоном утыкаюсь лицом в подушку. Да что со мной вообще такое?! Сижу тут в час ночи, строчу мужику, с которым, по сути, ничего не было! Что за кринж, Арина?!

Минут через пять бессмысленных метаний меня вдруг осеняет. Олимпийка!

Едва не подскакивая, ловлю спасительную мысль, и быстро набираю: «Олимпийку будешь забирать или выкинуть?»

Перечитываю. Вроде нормально, ровно, без соплей, словно мне вообще все равно. Секунд десять я просто смотрю

на сообщение, чувствуя, как внутри все натягивается струной. Сердце колотится совершенно непропорционально ситуации, ладони потеют, а палец висит над кнопкой отправки так, словно там решение моей судьбы, а не дурацкое послание парню, которого я видела один-единственный раз.

— Господи, Арина, тебе тридцать лет! - бормочу себе под нос и нажимаю отправить. Сообщение улетает, и сразу становится страшно. На экране появляется одна галочка. Смотрю на нее так, будто могу силой мысли превратить в две.

Проходит пять минут, десять, полчаса. «Был недавно в сети» сменяется просто временем последнего посещения, потом исчезает вовсе.

Я пытаюсь отвлечься: включаю видео, листаю рилсы, даже зачем-то лезу смотреть рецепты, хотя не особо люблю готовить, но взгляд все равно возвращается к чату. К этой проклятой одинокой галочке, которая к утру начинает казаться издевкой.

В какой-то момент телефон выпадает из рук мне на грудь. Глаза жжет от недосыпа, внутри ноет тупое, изматывающее напряжение. Засыпаю я уже под утро злая, но все еще надеющаяся увидеть ответ, когда проснусь.

Воскресенье встречает меня мерзким сушняком, тяжелой головой и солнцем, пробивающимся сквозь шторы прямо в лицо. Со стоном переворачиваюсь, нашариваю телефон и, еще толком не открыв глаза, первым делом лезу в чат.

Сердце дергается, ибо на манеже снова те же - «был недав-

но в сети».

Я моментально просыпаюсь и смотрю ниже. Одна галочка. Все внутри будто ухает вниз. Сначала приходит непонимание, потом - жгучее, острое унижение, от которого даже шея вспыхивает жаром.

То есть он был онлайн, но сообщение читать не стал. Блеск! Значит, чат либо удален, либо заблокирован. В груди моментально вскипает злость. Такая резкая, что хочется швырнуть телефон в стену.

— Да и пошел ты, мудак! - шиплю сипло со сна, вспоминая все самые смачные маты. Отбросив телефон, сажусь на кровати, чувствуя, как к глазам подступает обидная, унижительная соль. И нет, не потому что этот мальчишка слился. Просто никогда раньше я не чувствовала себя такой дурой, обманувшейся в своих ожиданиях. А ведь взрослая баба!

Баба, полночи гипнотизирующая одну галочку, как школьница. И ради кого? Ради пацана из плацкарта, которому, оказывается, настолько плевать, что он даже открыть сообщение не соизволил.

20. Что случилось - то и план

Злость угасает быстро, оставляя после себя вязкое разочарование и усталость, будто внутри что-то тихо перегорает.

Что ж, тоже полезный опыт - иногда приземляться с небес на землю. Я еще пару секунд смотрю на переписку, а потом резко зажимаю чат пальцем. Телефон уточняет: «Вы действительно хотите удалить чат с божественный_мужлан?». Тяжело вздыхаю, и Тимурка исчезает из моих контактов раз и навсегда. Жаль, правда, что вместе с ним не исчезает разочарование и стыд за собственную вовлеченность, оказавшуюся, совершенно невзаимной, но я не позволяю себе скинуть.

Собравшись с силами, отправляюсь сначала на тренировку в зал, а то со всеми этими поездками выпала из привычного режима. После тренировки и завтрака еду к косметологу, а дальше вхожу во вкус и заезжаю освежить свой блонд и маникюр, хотя он вполне бы аккуратно выглядел еще неделю, но мне хочется чего-нибудь яркого. Если уж не вышло с личной жизнью, так пусть хоть во внешнем виде будут краски. Желание воплощается в маникюре цвета марсала, комплементарной ногтям новенькой помаде и комплекте откровенного белья с чулками.

Пусть это глупо и смешно, но я получаю какую-то сатисфакцию, глядя на себя в этом бордовом кружеве, и понимая,

какую шикарную женщину Тимурка прошляпил.

Комплект сидит идеально: чулки визуально удлиняют и без того длинные ноги, лифчик приподнимает мою скромную, но упругую грудь, трусики подчеркивают красоту округлых бедер и крепкую, выпестанную упорными тренировками задницу.

— Ну вот, другое дело, - бормочу своему отражению, регулируя лямки. — А то распустила сопли.

Настроение медленно, но верно ползет вверх. Особенно после того, как молоденький бариста в кофейне возле дома дважды путает сиропы, потому что откровенно заливает на мне. Жизнь, как говорится, налаживается.

К вечеру воскресенья от утренней драмы остается только неприятное послевкусие вроде похмелья после дешевого вина. Мне даже почти удается убедить себя, что история с Тимуром - просто дурацкий эпизод, который через месяц забудется и станет очередной байкой на наших девчачьих посиделках. Вот только складывая покупки в шкаф, я натываюсь взглядом на ту самую, проклятую олимпийку. Огромную, до сих пор пахнущую божественным парфюмом вперемешку с чем-то еще - острым, мужским. По мне рефлекторно пробегают россыпь мурашек, и я едва сдерживаю смешок.

— Да господи - боже! - закатываю глаза и резко запикиваю олимпийку на верхнюю полку гардеробной, захлопывая дверцу так, будто там не одежда лежит, а портал в ад.

К счастью, вскоре звонит мама и отвлекает меня от иди-

отских мыслей. Понедельник проходит под грифом «суета сует», я настолько выматываюсь к вечеру, что впервые за последние дни не вспоминаю о Тимуре и засыпаю, как убитая.

Вторник начинается подозрительно прекрасно. За окном ясное сентябрьское солнце, небо чистое, голубое, настроение тоже вполне себе, не эйфория, конечно, но то самое приятное состояние, когда нравишься сама себе, и от этого мир будто становится дружелюбнее.

Я долго стою перед зеркалом в одном белье, придирчиво разглядывая результат воскресного шопинга. Бордовое кружево сидит просто неприлично хорошо, особенно, пояс для чулок, дающий плюс сто к самоощущению.

— Ну здравствуй, роковая женщина, - усмехаюсь своему отражению и крашу губы той самой винной помадой.

Платье выбираю тоже новое - лаконичное, шоколадного цвета выше колена, мягко облегающее фигуру, но без перегибов. Все-таки я преподаватель, а не эскорт, хотя настроение сегодня где-то опасно посередине. В клинике это замечают почти сразу.

— Арина Николаевна, вы сегодня прямо светитесь, - улыбается медсестра на посту.

— Хотите все хирургическое отделение сразить? - подхватывает кто-то из ординаторской.

— И не только, - отзываюсь со смешком, чувствуя, как настроение ползет вверх еще сильнее.

Даже Степанида при встрече отвечает какой-то ком-

плимент, хотя к своему статусу главной красотки относится крайне ревностно.

На пару к лечебникам я шагаю вполне довольная жизнью. Каблуки бодро цокают по плитке, волосы лежат идеально, студенты не бесят... ну почти.

Чернышова все-таки заставляет закатить пару раз глаза, щебеча приторно сладким голоском очередную прорву вопросов.

— Арина Николаевна, вам так идет этот цвет помады, - разливается она соловьем в конце пары. — И вообще вы сегодня такая красивая.

Я хмыкаю и сдержанно отвечаю:

— Спасибо! Я всегда красивая.

— Конечно, но сегодня по-особенному, - стоит она на своем, а после протягивает подарочный пакет. — Это вам. Ну... за тот раз.

Я удивленно выгибаю бровь, глядя на растянутые в улыбке перекаченные губы и нехотя принимаю пакет. Внутри обнаруживается подарочный сет разных сортов премиального кофе и коробка конфет ручной работы.

— Ничего себе у вас бюджеты, Чернышова, - оценив примерную стоимость подарочка, невольно присвистываю.

— Ну, мне хочется исчерпать тот инцидент, и чтобы между нами не было никаких недоразумений, - она продолжает мило улыбаться, а я едва сдерживаю смехок. Вот подлиза-то! Но кофе пахнет божественно, конфеты выглядят тоже

очень аппетитно, а инцидент я исчерпала еще неделю назад, так что отказываться смысла не вижу.

— Ладно, прощена, - принимаю пакет, Лика радостно попрощается и убегает с такой довольной моськой, словно я ей автомат поставила.

Смешная и уже не такая бесячая. Все-таки подарки умеют примирять со многим и многими или просто я - продажная душонка. Усмехнувшись, качаю головой и спешу в ординаторскую, угощать коллег.

До пары у стоматологов, решаю сделать обход и вновь совсем забываю о времени. На занятие лечу на всех парах и на повороте вписываюсь в какого-то пациента, идущего из столовой. Точнее - в его чай.

— Да твою же мать! - вскрикиваю раньше, чем успеваю себя остановить, потому что горячо, мокро, липко. Мужчины начинают судорожно извиняться, но мне уже не до него. Тут бы ожог не получить. Развернувшись, несусь в сторону ординаторской, чувствуя, как мокрая ткань мерзко липнет к животу.

— Арин, что случилось? - ахает одна из медсестер, когда я залетаю внутрь.

— Чуть не замочили, - шучу, стягивая халат. Вот только промок не только он, платье под ним тоже идет огромным влажным пятном. Матерюсь вполголоса и смотрю на время. До пары минута.

Быстро скидываю платье, оставаясь в одном белье и чул-

ках, лихорадочно роюсь в шкафу в поисках хоть чего-нибудь чистого.

— Вот, надень пока, должен подойти, - сует мне Эллочка в руки чей-то халат.

— Спасибо! - хватаю, не глядя и застегивая пуговицы прямо на ходу, мчу на пару. В аудиторию залетаю запыхавшаяся и всклоченная.

— Добрый день, - выдыхаю, проходя к столу. — Так, староста, кто сегодня отсутствует?

Студенты здороваются как-то подозрительно тихо и нестройно, но я все еще на адреналине: суетливо раскладываю бумаги, листаю журнал, ищу ручку, но через пару секунд вдруг чувствую странную, вязкую тишину. Поднимаю взгляд и натыкаюсь на десятки глаз. Кто-то усиленно смотрит в тетрадь, кто-то - наоборот пялится так, что становится не по себе. Машинально осматриваю себя. Вдруг впопыхах забыла пуговицы застегнуть, но все оказывается куда хуже, потому что на мне, мать его так, один из фирменных халатиков Степаниды: тонкий, кипельно-белый, почти прозрачный, через который идеально видно все мое великолепное белье: и кружевной лифчик, и пояс для чулок, и сами чулки, и стринги.

У меня мгновенно вспыхивают щеки, уши, да что там, я вся!

Господи, какой позор! Стою посреди аудитории, не зная, умереть ли мне сразу или позволить студентам, как следует изучить мое тело. Из меня рвется истеричный смешок, но я

неимоверным усилием воли беру себя в руки.

Так, спокойно! Сейчас быстро объявлю тему, дам задание и пойду переодеваться. Ничего страшного не случилось, наоборот, все очень даже красиво, так что выше голову.

Судорожно набираю воздух в легкие, поднимаю взгляд, собираясь заговорить и бах, будто удар под дых и мгновенный парлич. Я застываю, проваливаясь в черную бездну глаз никого иного, как Тимура, развалившегося за одной из последних парт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.